

УРБАНИЗАЦИЯ В УМАХ: СТАЛИНСКОЕ «ПРАВО НА ГОРОД», СОВЕТСКАЯ СУБЪЕКТИВНОСТЬ И ПРАКТИКИ ГРАЖДАНСТВА В ХАНТЫ-МАНСИЙСКЕ

Игорь Николаевич Стась

Тюменский государственный университет

23 ул. Ленина, Тюмень, Россия

igor.stas@mail.ru

Аннотация: В статье представлена концепция сталинского «права на город», в которой урбанизация в СССР интерпретируется с точки зрения советской субъективности, реализуемой в конкретных практиках гражданства. В социальном контексте сталинское «право на город» дискурсивно оформлялось как государственный «дар современности» и отражалось в конкретных общегородских мероприятиях, репрезентировавших новых советских граждан и закреплявших реципрокную связь власти и общества через идею города. Город описывался и воспринимался как предмет гражданского соглашения между властью и гражданами, акт заключения которого выражался посредством общегородских практик — митингов, праздников, церемоний и соревнований — и проявлялся в публичных действиях и эмоциях советского горожанина. Активисты, усвоившие этот дискурсивный язык и участвовавшие во фреймированных им практиках гражданства, тем самым действовали в рамках городской субъективности, т.е. осмысливали себя как горожан и принимали соответствующие обязательства. В основе исследования лежит кейс Ханты-Мансийска 1930-х — начала 1950-х гг. — окружного центра Ханты-Мансийского национального округа. Изучение конвенциональных практик взаимодействия и взаимного сотрудничества советских горожан и государства в этом городе позволяет, снимая с неизбежностью политизированную оппозицию идеологии и «реальной картины мира», описать сталинское «право на город» в терминах имплицитной субъективности горожанина, стремившегося посредством практик достичь полноценного статуса гражданина советского государства. Сталинское «право на город» становилось его гражданским обязательством.

Ключевые слова: урбанизация, право на город, сталинизм, советская субъективность, гражданство, практики обобществления, теория дара, реципрокность, Ханты-Мансийск.

Для ссылок: Стась И. Урбанизация в умах: сталинское «право на город», советская субъективность и практики гражданства в Ханты-Мансийске // Антропологический форум. 2022. № 52. С. 85–132.

doi: 10.31250/1815-8870-2022-18-52-85-132

URL: <https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/052/stas.pdf>

URBANIZATION IN PEOPLE'S MINDS: STALIN'S "RIGHT TO THE CITY", SOVIET SUBJECTIVITY, AND CITIZENSHIP PRACTICES IN KHANTY-MANSIYSK

Igor Stas

University of Tyumen

23 Lenina Str., Tyumen, Russia

igor.stas@mail.ru

Abstract: The article investigates the concept of Stalin's "right to the city", in which urbanization in the USSR is interpreted through the lens of Soviet subjectivity and implemented in specific practices of citizenship. In the socialist context, Stalin's "right to the city" was discursively reproduced as a state-given 'gift of modernity' and was reflected in specific citywide events that represented the new Soviet citizens and consolidated the reciprocal connection between power and society through the idea of the city. The city as a gift concluded a civil agreement between the authorities and ordinary people through citywide practices—rallies, celebrations, ceremonies, and competitions, and became a place of activity and emotion for the Soviet citizen. The activists who spoke this discursive language—and participated in the citizenship practices framed by it—thereby acted within the framework of urban subjectivity. In other words, they understood themselves as citizens and accepted the corresponding obligations. The study is based on the case of Khanty-Mansiysk of the 1930s to early 1950s, the district center of the Khanty-Mansi National Okrug. These practices of interaction between citizens and the state make it possible—moving beyond the binary opposition of ideology and reality—to conceptualize Stalin's "right to the city" as an implicit urbanization in the minds of urban subjects who sought to become full-fledged citizens of the Soviet state. Stalin's "right to the city" became their civil obligation.

Keywords: urbanization, the right to the city, Stalinism, soviet subjectivity, citizenship, social practice of communing, gift-exchange theory, reciprocity, Khanty-Mansiysk.

To cite: Stas I., 'Urbanizatsiya v umakh: stalinskoe "pravo na gorod", sovetskaya subektivnost i praktiki grazhdanstva v Khanty-Mansiyske' [Urbanization in People's Minds: Stalin's "Right to the City", Soviet Subjectivity, and Citizenship Practices in Khanty-Mansiysk], *Antropologicheskij forum*, 2022, no. 52, pp. 85–132.

doi: 10.31250/1815-8870-2022-18-52-85-132

URL: <https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/052/stas.pdf>

Игорь Стась

Урбанизация в умах: сталинское «право на город», советская субъективность и практики гражданства в Ханты-Мансийске

В статье представлена концепция сталинского «права на город», в которой урбанизация в СССР интерпретируется с точки зрения советской субъективности, реализуемой в конкретных практиках гражданства. В социалистическом контексте сталинское «право на город» дискурсивно оформлялось как государственный «дар современности» и отражалось в конкретных общегородских мероприятиях, репрезентировавших новых советских граждан и закреплявших реципрокную связь власти и общества через идею города. Город описывался и воспринимался как предмет гражданского соглашения между властью и гражданами, акт заключения которого выражался посредством общегородских практик — митингов, праздников, церемоний и соревнований — и проявлялся в публичных действиях и эмоциях советского горожанина. Активисты, усвоившие этот дискурсивный язык и участвовавшие во фреймированных им практиках гражданства, тем самым действовали в рамках городской субъективности, т.е. осмысливали себя как горожан и принимали соответствующие обязательства. В основе исследования лежит кейс Ханты-Мансийска 1930-х — начала 1950-х гг. — окружного центра Ханты-Мансийского национального округа. Изучение конвенциональных практик взаимодействия и взаимного сотрудничества советских горожан и государства в этом городе позволяет, снимая с неизбежностью политизированную оппозицию идеологии и «реальной картины мира», описать сталинское «право на город» в терминах имплицитной субъективности горожанина, стремившегося посредством практик достичь полноценного статуса гражданина советского государства. Сталинское «право на город» становилось его гражданским обязательством.

Ключевые слова: урбанизация, право на город, сталинизм, советская субъективность, гражданство, практики обобществления, теория дара, реципрокность, Ханты-Мансийск.

Город является скорее состоянием ума, плотью из нравов и традиций, а также организованных воззрений и настроений (*attitudes and sentiments*), которые присущи этим нравам и передаются вместе с этой традицией.

[Park 1967: 1]

В современной историографии советская урбанизация (особенно это касается истории города в сталинский период) зачастую описывается в терминах «неполноценности». Образцовые новые советские города существовали в мире идей, в то время как сталинская действительность изображается историками в мрачных тонах, как результат несовершенной градостроительной науки и управления людьми посредством жилища [Меерович, Коньшева, Хмельницкий 2011; Samuelson 2011], размывания городской культуры и формирования общества текучего песка (*quicksand society*) [Lewin 1991: 259], пространственного неравенства и неравноправия в получении основных городских

Игорь Николаевич Стась

Тюменский государственный университет,
Тюмень, Россия
igor.stas@mail.ru

благ [Filtzer 2010; DeHaan 2019: 55]. Сталинская урбанизация часто характеризуется как рурализация, окрестьянивание городов [Hoffmann 1994; Бон 2013], трактуется как псевдо- и квази-процесс [Исупов 2013]¹. Как отмечает Хизер ДеХаан, «в сталинскую эпоху города, управляемые технологическими системами, были скорее мечтой и идеей, чем живой реальностью» [DeHaan 2019: 69]. С точки зрения вышеописанной интеллектуальной традиции советская урбанизация фактически объявлялась феноменом, не обладавшим полноценным бытием, обманчивым понятием, подменявшим и маскировавшим реальность [Глазачев 1996].

Вместе с тем жесткое противопоставление дискурсивных образов идеального социалистического города и убогой городской среды в бинарностях истинной / ложной советской урбанизации, на наш взгляд, едва ли пригодно для описания процессов формирования городских сообществ в СССР с точки зрения их собственной логики. Каким образом происходило рождение советского урбанизма в условиях губительных репрессий и войны, коммунальных квартир и барачного жилья, расширения производственной инфраструктуры и депрессивного социокультурного пространства в строящихся городах? Отказ от жесткого и привнесенного из других дискурсов разделения, проводимого между сферами «идеологии» и «реальности» в исследовании советской урбанизации, и установка на выявление языков описания социалистических городов [Бугров 2018: 9–10] позволяют обратить внимание на собственные термины и дискурсивные практики, при помощи которых конструировался городской образ жизни в советской системе, переживавшей процесс преобразования раннесоветской рабочей / режимной / барачной среды в позднесоветский город.

В советскую эпоху дискурс о социалистическом городе, осмыслявшемся как модерный проект [Bohn 2015: 452], играл важную роль в становлении нового общества. Общеизвестный путь социалистического строительства включал стремление к обретению официального городского статуса рабочими поселениями при новом производстве, что особенно было характерно в условиях урбанизации Крайнего Севера. На больших индустриальных северных стройках первостроители и архитекторы были носителями смыслов о возводимых новых городах как «городах мечты» и пытались на практике воплотить эту идею [Салахова 2013; Стась 2015; Калеменова 2019]. Не имея при этом официального городского статуса, в таких рабочих поселках

¹ При этом в российской историографии существует последовательная критика такого взгляда, относящая трудности советской урбанизации к общемировым особенностям ускоренной модернизации общества [Сенявский 2003; Букин, Исаев 2005; Горбачев 2013; Ильин 2016].

население обладало, как правило, городской идентичностью и воспринимало место своего жительства как «город в перспективе», хотя городской статус населенный пункт получал лишь в будущем или вообще мог не получить [Форум 2010: 153]. Причем такое движение к городу было характерно даже для поселений ГУЛАГа, в которых тоже со временем происходила «легитимация» городской идентичности и начинался поиск городской «нормальности» [Barenberg 2014: 88–119].

Мечты о городе были формой социальной идентификации и частью процесса положительной интеграции в большую политическую общность. Важнейшим инструментом этой интеграции было умение говорить на приемлемом для режима языке [Kotkin 1995: 235–237]. Одним из центральных топосов этого языка времен экстенсивной урбанизации и индустриализации стала артикуляция городской темы. Власть и население на индустриальных стройках использовали урбанизирующий язык описания масштабных изменений, а идеальные социалистические города будущего воспринимались как дискурсивные первообразы телеологического городского развития. Вместе с тем в локальных случаях или там, где индустриальная стройка испытывала серьезные трудности, этот дискурс, соотносимый первоначально с наиболее яркими образцами социалистических городов (таких как Магнитогорск), наполнялся риторикой коммунальных улучшений в городской среде [Бугров 2020: 16–17]. Как отмечал С. Коткин, при изучении сталинизма необходимо объяснять и исследовать «механизмы, с помощью которых мечты простых людей и тех, кто управляет государством, нашли общий язык в этой советской версии государства всеобщего благосостояния» [Kotkin 1995: 23]. Исполнение мечты о социалистических городах становилось подобным механизмом интеграции государства и населения.

В сталинском индустриальном социуме мечты о городе представляли собой советский вариант известного понятия «право на город», разработанного А. Лефевром и Д. Харви как ответ капиталистическому урбанизму, в котором формальное приобретение городских прав в значительной степени дополняется социальной и пространственной интеграцией через повседневные городские практики [Lefebvre 1996: 147–159; Harvey 2012: 3–26]. Эти практики являются действиями по преобразованию города, поскольку, как отмечал А. Лефевр, право на город сформулировано только как трансформированное и обновленное право на городскую жизнь [Lefebvre 1996: 158]¹. При этом их следует концептуализировать как

¹ Социальные исследователи Калеб Олторп и Мартин Хорак развивают этот тезис в радикально-кооперативную концепцию права на город, в основе которой лежит представление о городской

социальные практики обобществления (“social practice of commoning”) [Harvey 2012: 73], которые устанавливают социальные отношения с общим, где общим (commons) становятся элементы окружающей городской среды (например, образование или экология).

Вместе с тем сталинское «право на город» не стоит прямо отождествлять с лефевровским понятием. Однако сам Лефевр очертил нам путь к пониманию права на город в условиях сталинизма. В концепции Лефевра право на город было социалистической идеей, частью нового «договора гражданства» с расширенным и углубленным набором прав, которые появились вследствие притязаний мобилизованных граждан, как результат политической борьбы за сокращение разрыва между государством и населением [Purcell 2014: 146]. С его точки зрения, эта цель достигалась посредством диктатуры пролетариата, но возникающей снизу, а не навязанной партией, как в СССР [Purcell 2014: 147]. Советский вариант Лефевр называл «сталинским искажением» (“the Stalinist distortion”), прославляющим государство и утвердившим господство бюрократического меньшинства [Lefebvre 2009: 70, 85–87; Purcell 2014: 147]. Сталинское «право на город» было этим «сталинским искажением», когда борьбу за город в санкционированных дискурсивных практиках осуществляло «бюрократическое меньшинство» — политические граждане-активисты.

Поэтому ключом к пониманию права на город является понятие «гражданства». В одном из последних своих эссе Лефевр указывал, что право на город подразумевает не что иное, как революционную концепцию гражданства [Lefebvre 2014: 570]. Переформулирование рамок гражданства позволяет не только исследовать различные варианты права на город в современном мире, но и проанализировать социальные практики права на город в условиях сталинизма. В этом контексте сталинское «право на город» не следует интерпретировать только как своеобразную «мечту о городе» или «городскую утопию». Так же как и сейчас, в сталинскую эпоху оно было стремлением стать гражданином, которое, однако, накладывало на человека определенные обязательства.

Исследователь архитектуры и городов В.Л. Глазычев считал, что в советской России отсутствовали необходимые признаки полноценного города: социальные организованности граждан

жизни как о коллективном творчестве. В таком случае город рассматривается как особое социальное пространство (в отличие от современного капиталистического города), характеризующееся не отношениями исключения, господства и неравенства, но отношениями столкновений и сотрудничества [Althorpe, Horak 2021: 8–11].

и представление о гражданской ответственности, вырабатываемое на уровне муниципальной политической жизни [Глазачев 1993; 1995: 138–139]. По мнению урбаниста Л.Б. Когана, только с конца 1950-х гг. советская «урбанизация получила права гражданства» [Коган 1993: 14]. Однако в современной историографии гражданство в СССР может быть описано через советскую субъективность (subjectivity) как совокупность конкретно-исторических дискурсивных практик, открывавших перед советскими людьми возможности проявления свободы воли и декларации идентичности в рамках, определявшихся социалистической идеологией [Пинский 2018: 11–13]. Расширяя аналитический инструментарий советской субъективности, С. Екельчик использует понятие «гражданства», обозначая им активное участие населения в институционально встроенных политических, социальных и культурных практиках, делавших человека полноценным членом советского государства [Yekelchuk 2010: 94]. Такой подход наделяет агентностью советских граждан в установленном государством фрейме и согласуется с советским вариантом права на город, применяемым даже к эпохе сталинизма.

В контексте урбанизации практики взаимодействия населения и власти¹ выступали городскими субъективностями — окнами дискурса и полем возможностей для политических активистов и советско-партийных функционеров. Они составляли основу гражданского общества в советских городах, которое являлось самостоятельным и активным в отстаивании своих хозяйственных интересов [Ильин 2016: 145–147]. Советские граждане обобществляли городские пространства и осуществляли ежедневную смычку простых людей и государства в сфере советского официального урбанизма — городских митингов, организации городских структур, мероприятий по благоустройству и строительству социокультурной инфраструктуры. В.В. Волков отмечал, что такая урбанизация включала в себя набор практик, соответствовавших городскому образу жизни и тождественных способам нормализации и повседневного дисциплинирования, определяемых типом общественного порядка, который отличал городскую среду [Волков 1996: 198–199]. Общегородские мероприятия создавали дискурс, в рамках которого город описывался в терминах общественной собственности, а его жители могли отождествлять себя с ним как с «культурным» пространством [DeHaan 2019: 67–68].

¹ В сюжетах С. Екельчика практиками интеграции личного и политического являлись выборы, деятельность агитаторов и избирательные кампании, гражданские эмоции, праздники, массовые митинги, парады и фестивали рабочих, политпросвещение, добровольческий труд и подписка на госзаймы [Yekelchuk 2014].

Таким образом, сталинское «право на город» было дискурсом о городе, представляло собой реципрокную форму взаимоотношений граждан и государства, когда город воспринимался как дар народу от власти. Официальное присвоение населенному пункту статуса города было моральной транзакцией в общей системе сталинской экономики дара [Brooks 2000: 83–89]. Такая концептуализация не позволяет назвать сталинское «право на город» действительно правом. Это была больше история про гражданское обязательство как ритуал, контролируемый государством, фактически имевший характер консолидирующей риторики восхваления государства гражданами и не допускавший свободы вне дискурса. Однако в сталинском дискурсе личная свобода заключалась в реальной возможности, оказывавшейся обязательной, проявить себя [Хархордин 2016: 287–288], а городской контекст был прекрасным полем для этой деятельности.

Стремление местных элит получить статус города также являлось советской формой бустеризма, создававшего положительный образ населенного пункта для получения капитальных вложений и занятия достойного места в иерархии плановой экономики. Региональный бустеризм выпрашивал дар у советского государства, и этим даром становилось возведение новых городов, как и все индустриальное переустройство сталинской эпохи. В советском дискурсе реципрокности они репрезентовались в качестве «социалистических даров современности», предусматривающих для принимающих дар социальные обязательства [Ssorin-Chaikov 2013: 183; 2017: 95–119]. Рассуждая в категориях Н. Скорина-Чайкова, за приобретением статуса города следовал и единовременный эффект «скачка вперед», и постоянно воспроизводящиеся эффекты темпоральной циркуляции реципрокности — горожанин вступал с государством в отношения постоянного дарения и контрдарения, постепенно становясь все большим должником власти [Ssorin-Chaikov 2006: 361, 364, 366]. Получив для своего населенного пункта статус города, его жители в ответ обязывались не просто благодарить Сталина, но вести себя как горожане / граждане.

Принимая эти правила гражданства, жители стремились реализовать свои представления о «нормальном» или даже «идеальном» городском пространстве. Это было действием с целью получения и подтверждения статуса гражданства как членства в городском лояльном сообществе, выражающегося в различных практиках городского обобществления. Именно городской дискурс, который придавал ритуалу черты свободы воли, а праву на город — изрядную долю ритуальности, был определяющим в формировании этого гражданства. Среди всех гражданских

чувств первостепенную значимость обрела эмоция публичной благодарности Сталину и советскому государству за их «дар» жизни и благополучия [Yekelchuk 2006a: 531]. Соответственно город как дар заключал гражданское соглашение между властью и простыми людьми через общегородские практики — митинги, празднества, церемонии и соревнования, становился местом проявления активности и эмоций советского гражданина [Alexopoulos 2006: 522–526]. Репрезентация в публичном дискурсе населенных пунктов как городов посредством значимых церемониальных событий создавала новые нормы социальной интеграции, укрепляющей идентичность с городом, а значит и с государством, направляющей действия людей в сторону преобразования элементов окружающей среды на городских общих началах [Eames, Goode 1977: 89–90].

Понятия субъективности и гражданства позволяют исследовать сталинскую урбанизацию, снимая жесткость бинарной оппозиции идеологии и реальности и воздерживаясь от оценок городской среды и крестьянской миграции, в дискурсивных практиках взаимодействия граждан и власти в процессе повседневного обобществления городского пространства. В этом фокусе практики взаимодействия горожан и государства реконструируются через конкретные кейсы локальной урбанизации и явления имплицитного характера. Урбанизация в умах¹ как когнитивный вид городской субъективности и идентификации должна рассматриваться первичной по отношению к градостроительным практикам формирования новой городской среды. Урбанизация осуществлялась там, где граждане стремились построить город. Городом являлось поселение, стремившееся быть городом. Однако категоризация своего поселения в качестве городского была присуща преимущественно политическим активистам, в то время как иные социальные группы могли не отождествлять место своего жительства с городом.

Антропологи И. Пресс и М. Э. Смит отмечают, что для преодоления ограничений городской этнографии стоит сделать предметом исследовательского внимания историю города, как фактическую, так и запомнившуюся или предполагаемую, поскольку историческое развитие города обуславливает отношение местных жителей к изменениям и внешнему влиянию [Press, Smith 1980: 8]. Поэтому, реконструируя практики сталинского городского гражданства, данная работа продолжает традицию антропологии города, в которой исследователь обращается к изучению процессов воображения и осмысления города

¹ О советской субъективности как состоянии ума писал Йохан Хелльбек [Hellbeck 2006: 350].

в целом [Schwanhäußer 2016: 12–14; Трубина 2016: 104–105]. Согласно Р. Фоксу, такой холистический подход позволяет исследовать паттерны адаптации городов, взгляды на меняющуюся идеологическую и поведенческую связь городов с обществами [Fox 1980: 109, 117]. Действуя в рамках этой антропологической традиции, я предлагаю рассматривать урбанизацию как процесс городской идентификации, выразившийся прежде всего в осмыслении и практическом использовании статуса горожанина, нормализации реципрокных отношений между властью и гражданами в рамках дискурсов и практик совместного использования и восприятия городской среды. Город — это не просто административная единица, а идентификационная категория.

В данной статье сталинское «право на город» исследуется через кейс Ханты-Мансийска — окружного центра Ханты-Мансийского национального округа, который в 1950 г. официально стал городом. Новый городской статус Ханты-Мансийска тесно связывался с социальными практиками, проявлявшимися в субъективной деятельности жителей и нацеленными на обобществление городской среды. Нарратив о преобразовании окружного центра в город реконструируется мною на основе архивных документов и материалов газет, которые в фокусе субъективности выступают не рупорами пропаганды, а скорее, наряду с автобиографиями и дневниками [Hellbeck 2002; 2006: 9–12; Halfin 2003; 2011], дополнительным полем самопонимания и выражения гражданства, каналом проявления подлинных чувств на языке официальной идеологии [Yekelchuk 2006b: 3; Hellbeck 2006: 112]. Язык этих газет следует воспринимать серьезно, прочитывать опыт сталинизма как триумф текстуальности, в котором советский субъект (гражданин) являлся личностью, поврежденной дискурсом [Naiman 2001: 309–310, 315].

Поэтому не нужно думать, что городская субъективность, реконструируемая посредством газетных публикаций, становится универсальным полем, охватывающим всю ткань советского общества. Она претендует лишь на объяснение городских практик в среде сталинских граждан — партийных и советских функционеров, активистов и интеллигенции, которые, как писал М. Лено, являлись целевой аудиторией этих газет [Lenoe 2004: 250–254]¹. В данной статье эти официальные документы дополняются корпусом воспоминаний, которые показывают восприятие местными жителями «реаль-

¹ Джеффри Брукс назвал такую читательскую аудиторию «советской общественностью» [Brooks 1994: 975, 985–988].

ной» городской среды Ханты-Мансийска. Но и круг этих источников личного происхождения подтверждает, что наличие права на город в первую очередь было свойственно местным партийно-советским функционерам. История Ханты-Мансийска 1930-х — начала 1950-х гг. отражает конкретно-историческую ситуацию урбанизации в умах тех жителей, которые стремились преобразить свое поселение в город и действовать, как того требовал социалистический дискурс реципрокности — сталинское гражданство.

Рождение города

В истории Ханты-Мансийска сталинское «право на город» формировалось в эпоху великого перелома, в контексте советской национальной политики на Крайнем Севере, заключавшейся в национальном районировании и создании национальных округов. В начале 1930-х гг. центры этих округов Ханты-Мансийск, Нарьян-Мар, Салехард, Дудинка, Тура, Анадырь и Палана строились как национальные города индигенного населения Севера [Savoskul 1989: 109]. Первоначально центром Ханты-Мансийского национального округа (до 1940 г. — Остяко-Вогульского), созданного в декабре 1930 г., стало село Самарово [Из постановления 1994]¹.

Однако в силу географических причин Самарово, стесненное устьем Иртыша и Самаровской горой, не могло предоставить достаточно места для строительства окружного центра. Тогда Уральским облисполкомом² была создана комиссия под руководством секретаря Уральского комитета Севера В.Н. Пиньжакова, которая в дискуссиях совместно с Самаровским комитетом партии приняла решение о переносе столицы на новую площадку в пяти километрах от Самарово в урочище Большой Черемушник [Балин 2000: 82–84; Белобородов 1996: 121]. Разработка проекта планировки нового города поручалась специалистам из Тобольского окружного земельного управления, а итоговая документация была передана только что созданной местной строительной организации «Северстрой» [Балин 2000: 85, 88–89]. Это был пример удивительной самоорганизации большевиков на местах, осознававших право на новый социалистический город и использовавших его в своей реальной деятельности по коренизации и социалистическому переустройству северных территорий.

¹ Подробнее об истории села Самарово см.: [Конева, Усманов 2003; Балюк и др. 2005].

² В начале 1930-х гг. Остяко-Вогульский национальный округ входил в состав Тобольского округа Уральской области.

Первоначально окружная столица не имела официального названия. По воспоминаниям, первые жители строящегося окружного центра «его любовно называли “городок”» [Лоскутов 1979; Балин 2000: 84; Конев 2004: 5]. Судя по местной газете «Остяко-Вогульская правда», для описания города также часто использовались национализирующие ойконимы: «тузгородок», «туземный городок», «туземный город», «новый социалистический туземный город», «советский туземный город». В декабре 1931 г. газета «Остяко-Вогульская правда» объявила конкурс на лучшее имя города [Советскому туземному 1931]. По мнению А.Н. Лоскутова, в то время организатора национальных школ-интернатов, выбранное название должно было отражать «исторические особенности края и его народов, революционные события, имена выдающихся деятелей партии и Советского государства» [Лоскутов 1979]. Предполагалось, что имя города станет символом социалистического строительства в национальном таежном крае: «По мнению редакции, название города должно быть увязано с именами и фамилиями вождей нашей партии или говорить о перестройке отсталого Севера в Север социалистический» [Советскому туземному 1931].

На выбор названия влияли и установки, связанные с национальным строительством на Севере. Коренные народы фактически обязывались оказывать полное содействие в процессе создания города: «Широкая масса трудящихся, особенно туземцев, должна принять участие в конкурсе, горячо обсудить название своего национального города, с тем чтобы первый Окр. Съезд Советов, руководствуясь этими суждениями, мог утвердить наиболее подходящее из этих названий» [Советскому туземному 1931]. В газетной статье, опубликованной десятилетия спустя — в 1979 г., Лоскутов писал, что «активное участие в выборе наименования принимали ханты, манси и представители других народов Севера» [Лоскутов 1979]. Тем самым конкурс стал практикой гражданства, в которой активисты, желательно из числа индигенных народов, наполняли новый город смысловыми значениями больших преобразований. Город воспринимался как дар, преподносившийся социалистической современностью северным народам.

Одновременно право на город накладывало на новых горожан обязанность взаимного контрдара. По этой причине большая часть вариантов названий для города предлагалась в честь лидеров национальной политики: «Овыс-Ленинск» («Северо-Ленинск»), «Виленвош» или «Виленинвош», что означало — город Владимира Ильича Ленина, «Национальный Ленинск», «Владилен», «Ленино». Некоторые жители выдвигали название «Овыс-Сталин» («Северо-Сталин») или «Смидович» в честь

председателя Комитета Севера [Советскому туземному 1931; Лоскутов 1979].

Однако само строительство города было не контрдаром, а даром советского руководства. Следовательно, имя города должно было отражать его принадлежность коренным народам, демонстрировать их право на город, а значит на новое социалистическое будущее. Наиболее подходящим казалось название «Остяко-Вогульск», которое, как заметил один из читателей газеты, было «в честь национальных меньшинств — хозяев города». При этом редакция газеты прокомментировала, что «остяки и вогулы в нашем округе являются не нацменами, а коренным населением» [Как назвать 1932]. Активисты описывали хантов и манси как полноценных советских граждан, которые «в рядах с рабочим классом» взялись за строительство собственного города:

Свой они туземный город заложили,
Уступила им великая тайга.
Дома растут, чтобы культуре севера служили.
Куется центр туземный. Настали новые года <...>
Вековой урман теперь уже покорен,
С каждым днем Остяко-Вогульск растет на нем,
Пускай скорей туземный город будет строен,
Давайте дружно так его и назовем!

[Рям 1932]

В декабре 1931 и январе 1932 г. на заседаниях сельских и районных съездов Советов, посвященных образованию национального округа, были подведены первые итоги конкурса. Отмечалась большая активность трудящихся в конкурсе, и съезды «пришли к одному выводу: окружной центр назвать по имени коренных народов Севера, населяющих округ, — Остяко-Вогульск» [Лоскутов 1979]. Новое имя «строящемуся городу» было принято на I Съезде советов Остяко-Вогульского национального округа в марте 1932 г. [Материалы 1-го 1932: 32].

История появления Остяко-Вогульска показывает, что градообразование могло быть эффектом локальной самоорганизации. Вместе с тем я не склонен рассматривать этот процесс как независимое социальное действие, но считаю его дискурсивным производством. Инициативы местных функционеров в выборе площадки, в самом строительстве города и конкурсе на лучшее его название выступали политическими практиками, которые одновременно обобществляли новую стройку и организовывали социальные отношения в рамках утвержденной идеологии. Очевидец событий, в то время начальник землеустроительной группы В.Г. Балин воссоздавал этот процесс

на страницах своей книги: «Самое широкое участие в строительстве нового окружного центра приняла местная общественность. Рабочие, служащие и другие жители городка и Самарово, среди которых было немало коренных жителей, горячо откликнулись на призыв побыстрее построить город. Активными участниками и организаторами помощи строителям были И.И. Таравский, Л.М. Раишев, М.Я. Савин, М.С. Вайветкин, А.И. Актаев и многие другие. Под их руководством жители все свободное от работы время корчевали пни, расчищали улицы, вели работу по благоустройству. Тысячи сверхурочно отработанных строителями часов на ново-стройке способствовали быстрому рождению среди тайги и болот нового города» [Балин 2000: 91].

Добиваясь права на город

Официального городского статуса Остяко-Вогульск не имел, но в первой половине 1930-х гг. в публичной сфере он оставался «городом в перспективе». Городская идентификация заметно выделялась на фоне отчуждения от «сельского другого», которым быстро стала первая столица — соседнее село Самарово. Новый город противопоставлялся старейшему самаровскому местечку Барабе: «Есть! Остяко-Вогульск! Не путайте с Самарово — Барабой! Бараба — синоним грязи, спячки, лени. <...> Бараба — чудом уцелевшая подметка древнего остяцкого князя Самара. Здесь еще чудится звук его барабана. — В Остяко-Вогульске, — во всем ставка на новый социалистический быт. Бараба — тянись за городом! Город — бери шефство над старухой» [Гущин 1932].

Если этот сюжет анализировать в категориях «идеального» и «реального», то окажется, что национальная столица Остяко-Вогульск была городком на 7 тыс. чел., среди жителей которой были редкостью представители коренных народов Севера, за «социалистическим бытом» скрывалась разруха и тяжелейшие условия жизни, а основная масса «энтузиастов» на городской стройке была спецпереселенцами, репрессированными в период коллективизации [Балин 2000: 93; Алексеева 2003: 202, 260–261; Конев, Усманов 2003: 119–120]. Вместе с тем мечты о городе остяко-вогульских активистов не были сформированы извне клишированным дискурсом или искусственно навязаны пропагандой. Субъективность первых строителей была органичной частью этого «мечтательного» дискурса, который придавал их опыту форму. В конце 1950-х гг. в общении с омской писательницей М.К. Юрасовой перво-строители города рассказывали, что «пришли сюда на Самарову гору с горячей мечтой построить первый город в таежном

крае, и ничто не могло остудить эту мечту: ни лютая зима в шалашах, ни тучи таежного гнуса, заедавшего людей летом, ни цинга — бич здешних мест» [Юрасова 1959: 123]. Об этом также ярко свидетельствуют воспоминания плотника И.Д. Кашигина о строительстве города: «Мы счастливы тем, что первыми были у истоков плодотворных начинаний, из невозможного создавали возможное. У нас в бригаде была товарищеская теплота, добрые товарищеские отношения, вера друг в друга, вера в прекрасное будущее» [Воспоминания Кашигина 2005: 152]. Поэтому Остяко-Вогульск как город не был просто образом, оторванным от реальности. Городская идентичность, подобно материалистическому субъекту в акторно-сетевой теории, конструировала и создавала эту реальность, побуждая к активизму в получении городского статуса и формировании городской среды¹.

Однако к моменту завершения строительства Остяко-Вогульск так и не получил официальный статус города. 10 апреля 1935 г. Президиумом Омского облисполкома² было принято постановление считать Остяко-Вогульск поселком городского типа с подчинением его окрисполкому, а в 1936 г. этот статус был утвержден постановлением ВЦИК [Административно-территориальное 2003: 213]. Причиной такой неудачи было отсутствие в окружном центре развитого производства. Город планировался как база рыбной промышленности [Юрасова 1959: 113–119, 128–129; Андросенко 1979: 39–42]. Примечательно, что становление рыбозавода в начале 1930-х гг. предопределило направленность самоидентификации городской общины Сисимиута в Гренландии [Thuesen 1999: 64–65]. Такая же тенденция была характерна и для Остяко-Вогульска, в котором в 1930 г. был создан рыбокомбинат. Причем рыбная символика по-прежнему выступает маркером городской и поселковой идентичности во многих населенных пунктах севера Западной Сибири, где сохранилась память о своих рыбозаводах [Агапов 2018: 184–185]. Другим символическим источником городской идентичности Остяко-Вогульска становилось лесопромышленное производство [Юрасова 1959: 129–134]. В 1930-е гг. в поселке был образован леспромхоз, но Главсевморпуть возлагал большие надежды на строительство Белогорского лесокомбината в Остяко-Вогульском районе, который должен был стать индустриальным центром Обь-Иртышского лесопромышленного комплекса. Однако строительство лесокомбината значительно затянулось [Конев, Усманов 2003: 253–254].

¹ О городе как действующем субъекте в формировании урбанизма в контексте акторно-сетевой теории см.: [Вахштайн 2014: 32–34].

² С декабря 1934 г. Остяко-Вогульский округ входил в состав Омской области.

Тем не менее, не обладая достаточной промышленной базой, региональная власть продолжила инициировать прошения о повышении статуса окружного центра. Так, 28 июня 1938 г. Остяко-Вогульский окружком ВКП(б) постановил преобразовать рабочий поселок в город, учитывая, что «за 7 лет существования округа пос. Остяко-Вогульск, являющийся центром округа, фактически уже вырос в населенный пункт городского типа» и «возросшие хозяйственные и культурные задачи и запросы окружного центра переросли права и обязанности поселкового совета» [Постановление 1994]. При этом в границы города планировалось включить село Самарово, поскольку оно входило в «пригородную черту». Этот документ свидетельствовал о том, что руководство округа пыталось реализовать свое право на город. В нем также предлагалось пересмотреть нейминг города и округа: «[Н]азвания округа “Остяко-Вогульский” и окружного центра “Остяко-Вогульск” не отражают ни хозяйственных, ни национальных особенностей округа и являются пережитком старой этнографической терминологии, унижительной для национальных чувств коренного населения (ханты, манси)» [Постановление 1994].

Окружком просил бюро Омского обкома возбудить ходатайство перед ЦК ВКП(б) об утверждении этого решения. 23 октября 1940 г. указом Президиума Верховного Совета РСФСР округ получал новый хороним «Ханты-Мансийский», а окружной центр Остяко-Вогульск переименовывался в Ханты-Мансийск, но остался в старом статусе рабочего поселка. Местная жительница А.И. Оленева вспоминала: «В декабре 1940 г. отмечали первый круглый юбилей Остяко-Вогульского округа, а значит и поселка. Это был настоящий праздник, жизнь в поселке кипела и бурлила. Чувствовалось приподнятое настроение жителей» [Этот город 2000: 3]. Из всех районов округа на праздник съехались «охотники на оленьих упряжках» и «рыбаки». «С этого юбилея поселок стал называться Ханты-Мансийском, а округ — Ханты-Мансийским» [Этот город 2000: 3]. Таким образом, в процессе борьбы за статус города фиксировалась взаимосвязанность между городской и национальной категориями.

Этот пример показывает, что поле субъективности получения сталинского «права на город» могло определяться местными элитами, при этом быть действием несогласованным и неподдержанным на других уровнях иерархической лестницы советского государства. Инициативы окружных партийцев не соотносились с реальными возможностями развития местной градостроительной базы, и поэтому не находили понимания в верхах. Городская субъективность добивалась результата там, где населенный пункт соответствовал формальным экономиче-

ским критериям. В этом плане показательно получение в 1938 г. статуса города Салехардом, окружным центром Ямало-Ненецкого округа. Серьезным основанием для городского преобразования стало экономическое разнообразие окружного центра [Михалев 2010: 127], в том числе нахождение в нем Северо-Уральского треста Главсевморпути, благодаря которому Салехард исполнял роль важной вспомогательной базы арктической магистрали [Омельчук 1978: 61–67].

После войны региональная власть, в первую очередь в лице первых секретарей окружкома Ф.И. Ершова (1946–1948) и Н.В. Иваненко (1948–1952), а также известных деятелей эпохи коренизации, а теперь председателей окрисполкома М.Я. Савина (1938–1943, 1946–1948) и А.Н. Лоскутова (1948–1951, 1954–1961), продолжала неоднократные попытки получить для Ханты-Мансийска статус города. В 1946 г. окружной исполком и окружком ВКП(б) просили перед Тюменским областным советом и обкомом ВКП(б)¹ ходатайствовать перед ЦК ВКП(б) и Президиумом Верховного совета РСФСР о преобразовании Ханты-Мансийска в город по причине роста хозяйства [ГАЮ. Ф. Р186. Оп. 1. Д. 49. Л. 25–28]. Руководство округа считало, что «база для развития городского хозяйства в Ханты-Мансийске и Самарово имеется, хозяйственная и культурная жизнь этих населенных пунктов требует преобразования их в один населенный пункт — в город областного подчинения с созданием соответствующих организаций городского управления» [ГАЮ. Ф. Р186. Оп. 1. Д. 49. Л. 27]. В июле 1946 г. руководство Тюменской области поддержало это решение [ГАЮ. Ф. Р1. Оп. 1. Д. 266. Л. 72]. Однако прошение не нашло отклик в федеральном центре. В мае 1948 г. Тюменский обком и окружком предприняли еще одну попытку ходатайствовать в ЦК ВКП(б) на имя А.А. Жданова о преобразовании Ханты-Мансийска в город, но также не получили утвердительного ответа [ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 1000. Л. 17–19]. Только в 1949 г. после писем в отдел партийных, комсомольских и профсоюзных органов ЦК ВКП(б) с просьбой оказать содействие дело удалось сдвинуть с мертвой точки [ГАЮ. Ф. Р1. Оп. 1. Д. 390. Л. 108]. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 27 января 1950 г. Ханты-Мансийск был преобразован в город окружного подчинения.

Двадцатилетняя борьба Ханты-Мансийска за право называться городом — яркое проявление советского гражданства и субъективных усилий советских и партийных руководителей региона. История получения статуса города не только являлась

¹ В 1944 г. Ханты-Мансийский округ вошел в состав Тюменской области.

сюжетом об идеологических проектах, но и повествовала о возможностях советской субъективности, которая позволяла политическим активистам на местах подстегивать трудовой энтузиазм и мотивировать в городском строительстве [Бугров 2018: 249–254]. Наряду с этим, городская субъективность в Ханты-Мансийске выражалась в лоббистской деятельности, продвигавшей окружной центр во властных вертикалях для получения преференций в социалистическом переустройстве национальных районов Крайнего Севера.

Сталинский дар

Несмотря на то что решение о присвоении городского статуса было следствием бустерской идеологии местных активистов, сталинское «право на город» в национальных территориях Севера также определялось реципрокным обменом между гражданами и государством, который подразумевала сталинская национальная политика. Преобразование Ханты-Мансийска в город стало символическим даром Сталина коренным народам Севера в честь 20-летнего юбилея Ханты-Мансийского национального округа, праздновавшегося в декабре 1950 г. Чуть позже, в 1951 г., Дудинка, центр Таймырского Долгано-Ненецкого округа, также была объявлена городом в связи с аналогичным юбилеем. В риторическом дискурсе городской статус переосмысливал индигенных жителей Севера в «возрожденные народы», новую национальную категорию граждан советского государства: «Новый город вызвал к жизни дремавшие творческие силы народов Севера» [Юрасова 1959: 127]. Получив право на город, население Ханты-Мансийска давало социальное и политическое обещание соответствовать престижному статусу. Городской статус идеологизировался, наделяя принимавшее его население новыми гражданскими обязательствами: «Из города пришла к народу великая правда Коммунистической партии, народ глубоко прочувствовал, понял, какую роль играет новый город, его люди в жизни родного края» [Юрасова 1959: 141].

Ханты-мансийцы, активно включаясь в гражданские практики, одновременно формировавшие и репрезентировавшие нового городского субъекта, описывали взятые на себя обязательства как обратный дар государству. Поэтому 1950 год стал периодом необычайно активного участия жителей Ханты-Мансийска в публичных городских мероприятиях. 10 февраля 1950 г. в местной газете «Сталинская трибуна» были опубликованы указ и редакторская статья с воодушевленным названием «Ханты-Мансийск — город!». Городской статус и право называться горожанами трактовались на страницах газеты в духе

этого взятого на себя реципрокного обязательства: «Для ханты-мансийцев слова — мы горожане! — звучит гордо. Но это в свою очередь возлагает на них большую ответственность. Каждый горожанин обязан любить свой город, заботиться о том, чтобы Ханты-Мансийск оправдывал звание промышленного и культурного центра округа. Горячий привет жителям нового города!» [Ханты-Мансийск 1950].

Таким образом, преобразование Ханты-Мансийска в город было случаем сталинского дискурса реципрокности, который придавал форму образам нового города и был пронизан риторикой благодарности горожан власти. Один из заголовков в газете «Сталинская трибуна» № 32 за 1950 г. звучал так: «Спасибо великому Сталину! — говорят граждане нового города», а в редакционной статье встречался пассаж: «[П]реобразование поселка Ханты-Мансийска в город есть новое проявление сталинской заботы о трудящихся нашего округа и лично о жителях Ханты-Мансийска, ибо наш город сейчас будет расти и благоустраиваться еще быстрее, чем до сих пор» [Ханты-Мансийск 1950]. Новый — теперь уже городской — контекст определял мотив совершенствования окружного центра, но без «великого вождя» оно не имело смысла. Замдиректора леспромхоза по политчасти тов. Молчанов говорил, что преобразование поселка Ханты-Мансийск в город рассматривается как «свидетельство новой заботы советского правительства и лично товарища Сталина о народах Крайнего Севера» [Годовой план 1950]. Высокая реципрокность, свойственная для сталинской эпохи, глубоко проникала в сюжеты локальной повседневности и включала городскую идентичность в контекст сталинской национальной политики.

Мотив благодарности Сталину, выведивший на передний план реципрокность, на которой строились отношения граждан и государства, — центральный элемент риторики, сопровождавшей процесс обретения городского статуса, — приобретал во время городских мероприятий характер коллективной инициации в новое гражданство. Первыми примерами таких инициационных мероприятий стали публичные митинги в честь присвоения Ханты-Мансийску нового статуса. 8 февраля 1950 г. на основных предприятиях новоиспеченного города была организована серия митингов «с большим подъемом»: в леспромхозе [Годовой план 1950], на пристани [Детище 1950], электростанции [На электростанции 1950], в промартели «12 декабря» [В ответ 1950], окружной конторе связи и на консервном комбинате [С митингов 1950]. Преобразование в город явилось, как отмечалось в «Сталинской трибуне», «большим событием не только для горожан, но и для населения всего округа. Это событие было широко отмечено митингами на всех предприятиях, во всех учрежде-

ниях молодого города». На этих митингах горожане в ответ на «отеческую заботу партии, правительства и великого Сталина» о развитии Крайнего Севера дали слово превратить Ханты-Мансийск в «образцовый социалистический город» [Булатов 1950].

Объединение в город

Планировщики эпохи позднего сталинизма видели образцовый социалистический город «нормальным планировочным организмом», соответствующим требованию «компактности городских планов» и не выступающим «конгломератом разрозненных поселков» [Бунин 1947: 52]. Однако Ханты-Мансийск не отвечал этим критериям и не обладал цельной городской средой, был маленьким поселением на 13,6 тыс. жителей. Поэтому после получения нового статуса Ханты-Мансийск стал пространством гражданских дискурсов и практик, в рамках которых городская среда декларативно объявлялась единой народной собственностью и ритуально обобществлялась. В городской антропологии отмечается, что изменения в городском пространстве могут формировать гражданскую практику, создавая пространство для новых действий и порождая особые споры за пространство и законность [Lazar 2014: 72]. В Ханты-Мансийске городской контекст запускал эти реципрокные гражданские формы взаимодействия жителей с властью, которые, в свою очередь, объединяли разрозненную среду в цельное городское пространство.

Началось все с создания городских структур управления. 16 марта 1950 г. вместо поселкового был организован городской совет [ГАЮ. Ф. Р1. Оп. 1. Д. 374. Л. 228об.], а на следующий день состоялась его первая сессия [Первая сессия 1950]. В марте также был создан городской комитет ВКП(б), а 20–21 марта прошла первая городская партийная конференция и партийный пленум [До конца 1950: 1; Первый пленум 1950]. Таким образом, к концу марта 1950 г. были оформлены советские и партийные органы городского управления, которые, однако, контролировались вышестоящими окружными структурами.

Вместе с тем политическое объединение города было более сложным процессом. Согласно указу, в город Ханты-Мансийск включались село Самарово, Рыбный поселок, Самаровский затон и поселок Перековка. В прессе село Самарово стало называться южной частью города, к которой присоединялись также Рыбный спецпоселок, Самаровский затон и Опорный пункт Наркомзема РСФСР, в то время как северной частью обозначался сам Ханты-Мансийск периода застройки 1930-х гг. и его городской центр, здесь же в северо-восточной части находился

поселок спецпереселенцев Перековка. В физическом ландшафте южная и северная части города разделялись живописным холмом — Самаровской горой. Капитан теплохода А. В. Плеханов вспоминал: «Ханты-Мансийск и Самарово были разделены. Добраться от одного до другого можно было небольшим автобусом, а то и пешком, что было тяжело. На такое большое расстояние стоял один дом и один магазин» [Плеханов 2006: 59]. Раздвоение города — яркий образ в памяти местных жителей: «В городе было всего по два: две бани, два кладбища, два Дома культуры, два кинотеатра, две средние школы, два ресторана и т.д. Все объяснялось просто: были город и Самарово, северная и южная части города, соединявшиеся одной узкой, разбитой, постоянно ремонтирующейся дорогой» [Истомин 2008].

В 1944–1952 гг. окружной центр также делился на две режимные территории: самаровскую (южную) и перековскую (северную) комендатуры МГБ СССР, которые обеспечивали контроль над спецпереселенцами [Иванов 2019: 17–18]. Спецпереселенцы, формально находившиеся в городской черте, были отделены от остального пространства режимной «стеной» — контролем комендатуры, наблюдательной вышкой, природными барьерами реки Иртыш и дремучей тайги [Иванов 2018: 37]. Тем самым режимная среда также фрагментировала Ханты-Мансийск на южную и северную части. Вместе с тем в начале 1950-х гг. окружная власть взяла курс на полное вытеснение из города спецконтингента. Однако к 1952 г. удалось только преодолеть режимную разобщенность города: вся территория Ханты-Мансийска стала контролироваться одной городской комендатурой, расположенной в поселке Перековка [Иванов 2019: 18].

Обозначившееся деление Ханты-Мансийска на северную и южную части отразилось на реальных политических практиках. Горком партии претерпел в этот период подобное разделение, когда актив северной и актив южной части города стали собираться отдельно [Воронцов 1951]. Невозможность проведения общего собрания объяснялась плохой транспортной связанностью двух городских частей. На этой почве между горсоветом и жителями южной части города произошел конфликт по вопросам оперативного управления хозяйством и территориями бывшего села Самарово. Местный депутат М. Худяков жестко критиковал горсовет: «Видимо, бывшее Самарово они считают пригородом и поэтому не обращают на эту часть города внимания. Пора по-настоящему заняться благоустройством города. <...> Но не хватает организатора. А организатором прежде всего должен стать горсовет» [Худяков 1950а].

За весну-лето 1950 г. изменить ситуацию с благоустройством южной части города не удалось. В бывшем Самарово так и не был построен филиал пожарного депо, несмотря на принятое 11 мая решение горсовета: «Ведь с пожарной вышки, которая находится в северной части города, не разглядишь, что делается в южной части» [Быков 1950]. Горсовет критиковали за запущенное состояние дорог в южной части [Огнев 1950]. Еще одним направлением критики был жилищный вопрос: «Жилфонд в южной части города до сего времени не учтен, большинство квартир не отремонтировано» [Огнев 1950]. Здесь важно предположение депутата М. Худякова, что горсовет не рассматривал территории бывшего Самарово как часть города. Депутатское негодование фактически объяснялось тем, что власть исключала Самарово из практик обобществления городской среды. Публичные обвинения горсовета на страницах газеты, по нашему мнению, должны трактоваться как высказывания новых городских субъектов, стремившихся распространить конвенции новоприобретенного городского статуса на сельский ландшафт, которого они еще не коснулись.

Таким образом, преобразование Ханты-Мансийска в город вело к переоценке социального взаимодействия власти и общества в пространстве окружной столицы и бывшего села Самарово. Этот кейс показывает, что действия и стремления жителей не были продиктованы идеологией и пропагандой. Они вели себя как самостоятельные дискурсивные агенты, которые не боялись локальных конфликтов с городской властью, отстаивали интересы своего городского района. Градус разногласий между горсоветом и жителями Самарово удалось снизить только посредством медиации региональной власти — окрисполкома, который, резко критикуя деятельность горсовета, принял меры по надзору за реализацией городской политики и основные решения по благоустройству и строительству инфраструктуры в южной части города [О чем 1950]. Председатель окрисполкома Лоскутов отмечал впоследствии: «Куда как переменялось и Самарово, включенное с января 1950 года в черту Ханты-Мансийска. Кипучей жизнью дышит лучшее и крупнейшее предприятие округа — Самаровский консервный комбинат, оживленно на улицах от грузовых и легковых машин и автобусов» [Лоскутов 1951: 26]. Конфликтные практики взаимодействия местной власти и принципиальных граждан постепенно объединяли город в едином политическом и средовом контексте. Со временем ханты-мансийский синонимизм был завершен. В.Г. Балин так писал об этом: «При преобразовании поселка Ханты-Мансийска в город в 1950 году городская черта между Ханты-Мансийском и Самарово, ранее установленная на просеке, где позднее разместился медгоро-

док, была ликвидирована. С тех пор город как единое целое стал расти вдоль и ввысь. Кинули в прошлое села Самарово, поселки Перековка и Рыбный. Сейчас эти названия имеют лишь топонимическое значение, сохранившееся в памяти старожилов» [Балин 2000: 128].

Экологическая субъективность

Современная городская антропология активно изучает социальные движения, которые являются важнейшей частью борьбы за право на город и рассматриваются как коллективные действия, направленные на осуществление социальных изменений в городах с помощью внеинституциональных механизмов, таких как протесты и акции «оккупай» [Jaffe, de Koning 2016: 144–146]. В Советском Союзе проявление подобной либеральной свободы было немислимым, но конвенциональные публичные формы выражения городской субъективности, организовавшиеся и координировавшиеся активистами, были важными практиками гражданства и часто имели целью, номинальной или фактической, преобразование городского пространства.

Сталинское «право на город» обязывало жителей принимать коллективное участие в таких мероприятиях по городскому благоустройству, которые становились практиками гражданской интеграции власти и общества [DeHaan 2019: 67–68]. После всех мероприятий по озеленению и наведению в городе чистоты благоустроенная городская среда должна была стать, если говорить языком Д. Харви, «общей» (в социалистическом контексте — «народной») для всех граждан. Через призму теории субъективности советские общегородские мероприятия также можно рассматривать как городской случай экологической субъективности, признающей роль материальной окружающей среды в формировании гражданской агентности [Bruno 2019: 3–4, 21].

В корпусе воспоминаний послевоенный Ханты-Мансийск выступал городом с особым природным ландшафтом и озелененным пространством. Для многих жителей природная красота преображала город в лучшую сторону:

Город был едва обозначен — деревянные дома, строительные вагончики. Но нам и тогда казалось, что мы в сказке — не из-за условий жизни даже, а из-за того, в какой красоте жили: тайга, озера, Обь и Иртыш [Тарасов 2010].

Ведь не зря говорили, что Ханты-Мансийск, если убрать зелень, будет никакой, потеряет свое лицо. И действительно, еще в 50–70-е годы — грязь, хлам. Ни улиц, ни дорог... Все скрадывала зелень. Ну, а зимой — снег [Судейкин 2002: 3].

Но понравилось мне тут одно: природа чудесная [Реперчук 2010].

Радостью в памяти осталась природа Ханты-Мансийска [Грошева 1992в: 55].

Летом в городе было много зелени. Вдоль каждого тротуара — кюветы для стока воды, и все это покрыто травой. Город казался чистым, зеленым и, конечно, тихим — большая деревня [Воспоминания Страшковой 2005: 329].

Еще в «Литературке» прочитала и запомнила фразу кого-то из писателей, побывавших на традиционных «Днях литературы»: «Ханты-Мансийск — настоящий северный город-сад». В точности этого определения я убедилась сразу. Разноцветные дома-коробочки с резными наличниками, прямые и длинные городские улицы, которые незаметно превращаются в деревенские и неизбежно упираются в лес, и всюду — березы, придающие городу нарядный и праздничный вид... [Смирнова 1996: 141].

Многочисленные подобные воспоминания отражали экологическую субъективность советских граждан, когда, например, природная среда становилась одним из аргументов при переезде в Ханты-Мансийск. Иногда работодатели в поисках кадров для далекого уголка Севера репрезентовали город в самых ярких красках: «Езжай в Ханты-Мансийск. Это самое лучшее место» [Воспоминания Романчука 2005: 291]; «Как он красочно расписывал свой Ханты-Мансийск: “Северная Швейцария!”» [Грошева 1992б: 61], говорили «о красоте необыкновенного города Ханты-Мансийска» [Переплеткин 2005б: 347]. Или природа становилось основанием, чтобы остаться здесь жить.

Это был сравнительно ухоженный городок с деревянными постройками, белоствольными березами и приветливыми людьми. Поражало его зеленое ожерелье. Жители собирали грибы, ягоды и кедровые шишки буквально в десятке метров от дома. Я был поражен. <...> Не скрою, Ханты-Мансийск я выбрал местом своего жительства во многом благодаря именно прекрасной природе [Сайфулин 2002: 20].

Однако была ли репутация Ханты-Мансийска как зеленого города следствием политики местной власти и активности жителей в озеленении города? Некоторые современники отвечают на этот вопрос положительно. Так, краевед-журналист А.А. Рябов пишет: «Необходимо отметить, что на протяжении всей истории Ханты-Мансийска озеленение являлось приоритетной задачей населения. Именно благодаря этому сегодняшний город удивляет гостей обилием тенистых парков и скверов» [Рябов]. М.К. Юрасова описывала окружной центр как

город, который ханты и манси вместе с русскими не просто построили в тайге, но и украсили парками, садами с тенистыми аллеями, где «возле каждого дома палисадник»: «Город кажется выточенным из янтаря, пронизанного зелеными жилками» [Юрасова 1959: 121]. Местная жительница Н.В. Киркича рассказывала об озеленении окружного центра в начале 1950-х гг.: «За эти годы мой родной и любимый город все время преобразался. Это был самый уютный, самый зеленый городок. Несмотря на то что его окружали леса, у каждого дома, а также вдоль улиц люди высаживали березки, рябинки, тополя. Там, где сейчас стоит Дом Правительства, была площадь с трибуной, и мы принимали участие в посадке берез вокруг площади. До сих пор три моих деревца растут там» [Киркича 2002].

Вместе с тем я полагаю, что эти взгляды очевидцев, воспроизводившие представления об окружном центре как своего рода «городе-саде», являются частью городской субъективности, сформированной не столько влиянием материального мира природы [Bruno 2019: 21], сколько дискурсивными практиками в послевоенном Ханты-Мансийске. Деятельность ханты-мансийцев по благоустройству и озеленению территорий стала заметной в ситуации получения городского статуса. В конце марта 1950 г. уже на первой городской партийной конференции было заявлено, что «городская партийная организация должна поднять жителей города на благоустройство Ханты-Мансийска» [До конца 1950: 1]. Заместитель председателя горсовета Кондаков отмечал: «Преобразование Ханты-Мансийска в город обязывает руководителей предприятий и учреждений, каждого горожанина больше проявлять заботы о благоустройстве молодого города» [Сделаем 1950]. 20 апреля горсовет принял решение о создании зеленой лесной зоны вокруг города [ГАЮ. Ф. Р1. Оп. 1. Д. 377. Л. 187].

Недостаточно было просто получить городской статус, чтобы именоваться городом, само архитектурно-физическое пространство из поселкового должно было стать городским. Если старый рабочий поселок был неблагоустроенным и некрасивым, то новый город Ханты-Мансийск обязан был приобрести новые эстетические и витальные качества. Об этом в стихах писала школьница Леся Пестова, которая верила в изменение города за время ее пребывания в санатории:

Где-то ты таишься за лесами,
Дорогой, далекий город мой!
Вылечусь, приеду — не узнаю,
Так ты вырастешь, любимый, дорогой!

[Пестова 1950]

Вскоре началась организация массовых мероприятий по озеленению и санитарной очистке города. 30 марта 1950 г. Ханты-Мансийским горисполкомом было принято решение провести с 10 апреля по 15 мая санитарную очистку от зимних накоплений и нечистот, мусора и отбросов. Для этого привлекались все горожане, а также учреждения коммунальной сферы и хозяйственные предприятия [О санитарной 1950]. Городское благоустройство приобрело размах социалистического соревнования. В апреле работники рыбаколхозсоюза первыми обсудили вопрос о благоустройстве окружного центра на своем собрании, где взяли на себя социалистические обязательства и призывали к этому других горожан [Благоустроим 1950]. Бюро горкома ВКП(б) и его секретарь В. Мясищев поддержали решение коллектива рыбаколхозсоюза и обязали первичные партийные организации и комсомол наметить практические благоустроительные мероприятия, а также «вовлечь всю молодежь, пионеров и школьников в движение за благоустройство города» [Об обращении 1950].

В газетных очерках ханты-мансийцы описывались как вовлеченные граждане, активно принимающие участие в соцсоревновании по благоустройству города. В мае — начале июня почти все предприятия и организации города были задействованы в соцсоревновании. Они проводили субботники и воскресники, а местные жители производили очистку вокруг собственных домов и близлежащих территорий: «Ханты-Мансийск благоустраивается. Все чаще встречаются на улицах новые тротуары, палисадники, выровненные дороги, свежие вырытые каналы. Все это — результат труда сотен жителей молодого города» [Фролова 1950]. Самым массовым был воскресник 11 июня в южной части города, когда были задействованы 560 человек, 2 автомашины и 18 лошадей, а работы проводились под музыку духового оркестра [Ростовщиков 1950].

Городская субъективность также проявлялась в газетных жалобах, например на горсовет, который не смог организовать благоустройство, и на многие организации, так и не подключившиеся к массовым мероприятиям. При этом сами городские активисты рассматривали субботники и воскресники как практики гражданства. Так, ханты-мансиец с показательным псевдонимом Гражданинов писал о неудовлетворительной санитарной очистке города: «Комиссии, коменданты, домкомы и милиция, на которую возложена обязанность следить за исполнением гражданами правил санитарного состояния, забросили работу» [Гражданинов 1950]. Жители писали, что «наш город должен стать культурным и благоустроенным» [Худяков 1950б]. Однако благоустроительное движение в начале лета быстро стихло, а в местной прессе горсовет и горком партии становились

главными виновниками провала работ по очистке и озеленению города.

Сталинское «право на город» наделяло жителей провинциального населенного пункта экологической субъективностью. В общегородских практиках обобществления население могло принимать активное участие в массовых мероприятиях по благоустройству, позволить себе публично критиковать городскую власть и отстаивать свои права на чистый и зеленый город. При этом региональная власть старалась рассматривать и исполнять запросы граждан. Например, решение вопроса о благоустройстве окружного центра вышло на федеральный уровень. Согласно постановлению Правительства СССР «О мерах помощи Ямало-Ненецкому и Ханты-Мансийскому национальным округам Тюменской области в хозяйственном и культурном строительстве» от 22 декабря 1950 г., Совет Министров РСФСР планировал предусмотреть «на 1951–1952 годы дополнительные ассигнования за счет средств республиканского бюджета на благоустройство города Ханты-Мансийска в размере 200 тысяч рублей в год» [Забота 1951; ГАЮ. Ф. Р227. Оп. 1. Д. 116. Л. 1]. Городская экологическая субъективность оставляла реципрокный след в различных уровнях власти и становилась важнейшим полем для реализации гражданских практик жителей окружного центра.

Переосмысление города

Новый дискурс и городские практики в Ханты-Мансийске не сводились к преобразованию среды. Важной частью обобществления городского пространства становилось символическое переосмысление города, переназывание его в новых городских категориях. Граждане работали над изменением смысла города, переименовывая его пространство и стараясь наполнить их элементами инфраструктуры, в том числе культурной, которая, согласно их представлениям, была свойственна настоящему городу.

Само постановление окрисполкома по преобразованию Ханты-Мансийского совета в городской от 16 марта 1950 г. включало в себя комплекс решений по реорганизации городской инфраструктуры. Первым делом было выделено два автобуса для работы пассажирского транспорта, который должен был объединить фрагментированный на поселки и пригороды город [ГАЮ. Ф. Р1. Оп. 1. Д. 374. Л. 229]. Вскоре последовало переосмысление городских топонимов. 6 апреля горсовет принял решение о переименовании многих улиц и переулков города. Объяснялось это включением в городскую черту села

Самарово и наличием одноименных улиц [Об изменении 1950]. В новой городской топонимике традиционное наименование южной части города — Самарово — было сохранено в названии улицы Самаровская, которая прежде именовалась Старо-базарная. В конце апреля начался процесс перепрописки в паспортных столах всех жителей, проживавших в домах, которые попали под изменение улиц и номеров [О перепрописке 1950].

Переосмысление осуществлялось посредством конкретных практик репрезентации Ханты-Мансийска в качестве культурного и промышленного города. Эта задача возлагалась на окружной музей, который к 1 мая обязывался перестроить основную экспозицию и показать в ней развитие народного хозяйства в регионе, в том числе в окружной столице [ГАЮ. Ф. Р1. Оп. 1. Д. 374. Л. 92–92об.]. В итоге в музее была организована фотовыставка городского пространства Ханты-Мансийска, а также демонстрация макетов крупнейших промышленных объектов округа [В окружном 1950].

Городская субъективность также продолжала раскрываться через практики бустеризма, ставшие основной формой реципрокного взаимодействия с вышестоящими органами власти. Местные руководители постоянно отправляли письма и прошения в региональные и федеральные органы власти с целью получения инвестиций для строительства «городских» зданий и учреждений. Например, окрисполком просил Тюменский облисполком ускорить решение вопроса о строительстве водопровода в окружном центре, расширить мощность городской электростанции, которая не обеспечивала освещением и 1/5 части населения города, способствовать возведению городского театра или Дома культуры на 600 мест и нового здания для педагогического училища [ГАЮ. Ф. Р1. Оп. 1. Д. 374. Л. 229]. Окружные власти обращались к инспекторам ЦК КВП(б) о необходимости строительства здания Дома Советов и возведения новых жилых домов [ГАЮ. Ф. Р1. Оп. 1. Д. 390. Л. 45].

В целях обоснования необходимости строительства театра в Ханты-Мансийске в письмах в ЦК ВКП(б) окружное руководство подготовило подробную характеристику роста города Ханты-Мансийска, отмечая, что в городе есть большое количество государственных учреждений и учебных заведений, промышленных предприятий, выросло число специалистов различных отраслей хозяйства и культуры, проводились конференции, пленумы и сессии. Руководители округа писали о горожане как о полноценных городских субъектах, которым по определению было свойственно стремиться к культуре повы-

шенного качества: «[В]есь этот народ горячо желает видеть на сцене лучшие произведения драматургов, желает ознакомиться с новейшими достижениями в области культуры и искусства, удовлетворить духовные свои запросы» [ГАЮ. Ф. Р1. Оп. 1. Д. 390. Л. 107]. Театр должен был стать организующим звеном городской жизни, соответствующим гражданскому статусу ханты-мансийцев, важнейшим маркером которого было наличие высокой городской культуры: «Культурные же запросы рабочих, служащих и колхозников в нашем округе возрастают с каждым днем все больше, театр нам нужен так же, как хлеб» [ГАЮ. Ф. Р1. Оп. 1. Д. 390. Л. 107]. Местная актриса А.Т. Коробинцева писала про Ханты-Мансийск:

Культурная жизнь в нем никогда не замирала. Был свой народный театр, были прекрасные режиссеры. И самодеятельность, в Ханты-Мансийске она сыграла большую роль в общей культуре города. <...> Мне кажется, что у нас весь город играл, пел, танцевал. <...> Нет, талантливый народ жил у нас в Ханты-Мансийске. Такое зажигательное веселье могли создать без всяких заезжих звезд, сами, своими силами, своим неистощимым творческим желанием и любовью к сцене [Коробинцева 2003: 103–104].

Тем не менее жители понимали, что социокультурные реалии Ханты-Мансийска еще не соответствовали статусу идеального города, оставались поселковыми. Чувствительно актуализировалась проблема общественных пространств и досуга. Судя по воспоминаниям, в начале 1950-х гг. ханты-мансийская молодежь предпочитала отдыхать в самаровском клубе рыбаков [Истомин 2008; Воспоминания Руфины 2020: 294], который больше всего соотносился с представлениями о «городском»: «Привлекало, видимо, наличие духового оркестра, кинозала, буфета. Да и само здание было намного лучше» [Воспоминания Романчука 2005: 291–292]. Однако этого клуба было недостаточно. В местную газету приходили письма от недовольных горожан, требовавших улучшить городскую среду. Особое недовольство жителей вызвали перебои в показе фильмов в кинотеатре [Митрохин 1950]: «Уже полгода прошло с тех пор как Ханты-Мансийск переименован в город. Казалось бы, что это обязывает все предприятия и учреждения, в том числе горкинотеатр, улучшить свою работу» [Ковалев 1950]. Показ картин часто производился «с антрактами продолжительностью до двух часов», а также «то звука нет, то есть звук, а нет света». Все это происходило из-за «бесконечных поломок то на электростанции, то в будке киномеханика» [Ковалев 1950]. Иногда жители жаловались, что в городе попросту скучно: «Молодежь города часто не знает, чем заполнить часы досуга. В городском саду 2–3 раза в неделю бывают танцы и ничего больше» [Вечер 1950].

Реакцией на такие письма могли быть и разъяснения, что «скучно в Ханты-Мансийске только тем, кто не поддерживает мероприятия горкома комсомола» [Смирнова 1996: 146].

Ханты-мансийцы также писали, что в городе была плохо организована торговля безалкогольными напитками и хлебобулочными изделиями, не хватало ларьков и киосков, пошивочных и сапожных мастерских [Больше заботы 1950]. Граждане критиковали работу предприятий городского снабжения. Поэтому в марте 1950 г. местная власть приняла решение об организации в Ханты-Мансийске горпищекомбината [ГАЮ. Ф. Р1. Оп. 1. Д. 374. Л. 231], которое так и не было реализовано. В сентябре горсовет вновь повторил обещание построить в городе пищекомбинат. Он «будет выпускать для нужд городского населения: кондитерские, булочные изделия, безалкогольные напитки, рыбные и колбасные изделия» [Худяков 1950в]. Ханты-мансийцы делали вывод, что горсовету необходимо полнее удовлетворять бытовые нужды горожан [Больше заботы 1950].

Ареной наиболее характерных практик взаимодействия власти и граждан стали масштабные празднества 20-летнего юбилея Ханты-Мансийского национального округа 10 декабря 1950 г. В этот день в Ханты-Мансийске была проведена серия юбилейных мероприятий — сессия окрсовета, выставка, смотр художественной самодеятельности, спортивно-лыжная спартакиада, окружная ярмарка, экскурсии на предприятия города. Это празднование было в первую очередь триумфом сталинской национализации хантов и манси, которые объявлялись «возрожденными народами», полноценными членами семьи социалистических наций [Стась 2020].

Вместе с тем в национализирующем языке описания возрождения коренных народов Севера особое место занимала артикуляция урбанизационных изменений в северном регионе. Во время юбилейной сессии пионеры публично зачитали стихи о Ханты-Мансийске:

Где был лес дремучий,
Где медведь шагал,
Волей партии могучей
На Урмане город стал.
В городе советском новом
С каждым годом жизнь светлей,
Здесь хантыйские есть школы —
Школы северных детей,
Здесь за книгой и тетрадью
Время весело бежит —

Все мы счастливы и рады,
Путь широкий нам открыт.

[ГАЮ. Ф. Р1. Оп. 1. Д. 364. Л. 3]

Рождение нового города объявлялось главным достижением Ханты-Мансийского округа за 20-летнюю историю существования. Выступая на сессии, председатель окрисполкома А.Н. Лоскутов отдельно высказался о Ханты-Мансийске: «Вместе со всем округом растет и развивается и его окружной центр — социалистический поселок, а с января этого года — самый молодой город Тюменской области — Ханты-Мансийск, выстроенный на месте непроходимой тайги вблизи впадения Иртыша в реку матушку-Обь. Молодой город представляет сейчас собою мозг и центр всего огромного Северного края» [ГАЮ. Ф. Р1. Оп. 1. Д. 364. Л. 34].

В своей речи Лоскутов фактически описывал урбанизацию окружного центра, где уже были десятки школ, специальные средние учебные заведения, электростанция, баня, коммунальные предприятия, автобусное движение, заполненные горожанами и приезжающими кинотеатры и дома культуры, новейшие марки автомашин и особенно красавицы-машины «Победа» [ГАЮ. Ф. Р1. Оп. 1. Д. 364. Л. 34–35]. Лоскутов отмечал, что с получением городского статуса среда Ханты-Мансийска преобразилась: «Жизнь горожан молодого города стала резко изменяться, больше стало порядка, культуры, организованности» [ГАЮ. Ф. Р1. Оп. 1. Д. 364. Л. 35].

Руководитель округа описывал жителей Ханты-Мансийска как полноправных субъектов в городских трансформациях и рассказывал о гражданской роли окружного центра: «Город учит, снабжает, руководит округом, решает важнейшие политические, хозяйственные, административные вопросы: сюда приезжают, чтобы отчитаться о работе, получить совет, указание, помощь, чтобы овладеть новыми знаниями, приобрести специальность, квалификацию» [Лоскутов 1951: 24–25]. В этом и заключалась городская субъективность: статус города формировал новый общественный порядок, в практиках которого урбанизировалось индивидуальное сознание, а его носитель брал на себя обязательства гражданского поведения.

Большая деревня и мечта о городе

В заключительной части я хотел бы вернуться к критикуемой мною в начале статьи дихотомии реального и дискурсивного (мечтательного) в анализе советской урбанизации. На первый взгляд дискурсивная история сталинского «права на город» резко контрастирует с воспоминаниями современников,

в которых послевоенный Ханты-Мансийск фигурирует как большая деревня с неразвитой инфраструктурой и тихой, спокойной жизнью.

Журналист и литератор Ю.И. Переплеткин, работавший в 1950-х гг. в ханты-мансийской окружной газете, вспоминал, что в один из сезонов навигации, когда город «неуловимо менялся», в Ханты-Мансийске появился некий художник. Переплеткин попросил его написать картину с видом Ханты-Мансийска и через полмесяца получил от него небольшую работу, на которой, однако, не было никакой панорамы города, а был натюрморт:

— *Где же город?* — спросил я. — *Ты ведь обещал панораму... вид сверху...*

— *Город здесь,* — указал он на натюрморт. — *Он здесь целиком. Смотри внимательно* [Переплеткин 2005а: 36].

На грубой и чистой скатерти был изображен каравай черного хлеба, кружка с молоком, вяленый чебак, три луковицы, пара помидоров, крупный огурец в пупырышках, в тонком стакане с водой букетик полевых цветов и большая кедровая ветка с шишками. Первоначально журналист был удивлен: «Что же имел в виду художник, показывая на натюрморт и говоря, что на этой картине — наш город?» [Переплеткин 2005а: 36–37]. Впоследствии он нашел ответ: «[В] том натюрморте, как я давным-давно сообразил, была запечатлена вся тогдашняя жизнь хантымансийцев с их огородами, коровами, рыбалкой, сенокосами за рекой. Жизнь среди доброго леса — простая, неспешная, чистая» [Переплеткин 2005а: 54].

Этот пасторальный паттерн доминирует в корпусе воспоминаний ханты-мансийцев: «Пятидесятые годы в жизни Ханты-Мансийска ничем особенным не примечательны. Хотя он и имел статус столицы округа, но продолжал оставаться глухим, провинциальным городком, где жизнь протекала тихо и размеренно» [Патранова 1997: 36]. Художник Б.И. Паромов вспоминал окружной центр 1950-х гг.: «[Т]огда это было едва развивающееся захолустье, а для некоторых — место ссылки. <...> Город находился настолько далеко от всего мира, что ближе всего, как мне казалось, был к Луне, которая сияла над головой» [Паромов 2009: 73].

Первые впечатления о деревенской жизни в окружном центре преобладают в мемуарах тех немногих, кто решался на переезд сюда с «большой земли»:

Село Самарово на меня произвело тяжелое впечатление. Я пошла на почту отправить телеграмму домой в Хвалынский о своем приезде и сообщила: «Папа, приехала в страну дикарей,

разреши вернуться обратно». <...> Меня удивила в Самарово бедность селения, малолюдие, домики маленькие, серенькие. И после шумного, многолюдного, красивого города Саратова мне все показалось убогим и бедным. Поселок Ханты-Мансийск немногим был лучше. Строения были все деревянные, но дома более добротные и даже двухэтажные [Воспоминания Корепановой 2005: 164].

Первое ощущение: ну просто деревня! Хотя и сама из поселка родом, но раньше жила в Омске, Хабаровском крае, — там и культура другая, и уровень жизни выше. А тут — грязь, тротуаров нет, доски везде лежат [Реперчук 2010: 16].

Город был маленький, а мы думали: это как большая деревня [Воспоминания Нины 2020: 351].

Город поразил нас — маленький, деревянный, и только здание педагогического училища в кирпичном исполнении [Мирошниченко 2003: 27].

Город был тогда больше похож на большую деревню. Тихий, зеленый [Захарова 2009: 52].

Но когда приехал, я через весь город пешком шагал — ни дорог нормальных, ни тротуаров не было [Отто 2010: 16].

Весь город был устроен на деревенский лад, коров в Ханты-Мансийске было всегда много [Война 2005: 226].

Признаться, ничем особенным не удивил маленький заштатный патриархальный городишко. Но было в нем свое особое очарование — скрип ветхих дощатых тротуаров, по весне снежное кипение цветущих черемух, коровы, неспешно жующие пырей на пыльных и кривых улицах [Рябов 2012: 28].

На «деревенскость» Ханты-Мансийска особенно указывали геологи, которые с 1951 г. развернули здесь экспедицию. Ее главный инженер А. Шмелев описывал город следующим образом: «Ханты-Мансийск в то время был большой деревней. <...> Почти каждая семья в городе держала корову, поросенка, растила картошку» [Грошева 1992а: 50]. Нефтеразведчик В. Козлов негодовал: «Названия здесь очень даже громкие: Ханты-Мансийск — город... Что же тогда деревня?.. Вон в Татарии поселки нефтяников — это действительно города по существу... А тут — город, окружной центр еще, а гостиница — типичная сельская изба, рукомойник во дворе» [Козлов 1995: 12].

Ханты-мансийскую пастораль также воспроизводили в памяти коренные жители города. Так, глава города и его уроженец В.М. Судейкин отмечал: «Если вспомнить 50-е годы, то Ханты-Мансийск представлял собой, по сути, деревню» [Судейкин

2002: 1]. «Ханты-Мансийск оставался тихим, провинциальным, даже не городом, а скорее — сельским населенным пунктом с деревянными тротуарами, неразвитой инфраструктурой и разбитыми дорогами» [Страшнов 2007: 6]. По мнению местного жителя А. Истомина, поскольку до города было чрезвычайно сложно добраться, «это накладывало свой отпечаток на жизнь и быт горожан. Город жил тихой, размеренной жизнью, многие знали друг друга в лицо» [Истомин 2008].

В воспоминаниях получение статуса города Ханты-Мансийском в 1950 г. никак не отразилось на привычном укладе жизни. Жительница А.И. Оленева рассказывала об этом событии: «Удивительно было нам, жителям, как это — вчерашний поселок вдруг стал городом?! Даже по самым скромным меркам, он явно не тянул на это звание: старые дома, в основном те, которые оставили нам первостроители поселка; отсутствие благоустроенных дорог, хороших административных зданий, не хватало электроэнергии даже для освещения квартир... О благоустроенном жилье никто и не мечтал» [Этот город 2000]. Учительница А.С. Экономова упоминала, что после окончания института вернулась «уже не в Самарово, а в город Ханты-Мансийск. Ничего не изменилось. <...> О благоустройстве мы и не мечтали» [Воспоминания Экономовой 2005: 380].

Отсутствие мечты о благоустройстве в этих воспоминаниях и характеристика идентификационного образа Ханты-Мансийска как большой деревни заставляют задуматься о расхождении между дискурсом, охватывающим всю публичную сферу города, и той реальностью, которую обычный житель наблюдал в городе. Но я не вижу здесь противоречия. Наоборот, это разделение проясняет, что описанные в статье городские практики гражданства являлись в первую очередь дискурсивными и в меньшей степени — социальными практиками реального (физического) переустройства окружающего пространства. Поскольку реципрокную связь выстраивал исключительно дискурс, в этом реальном мире сталинский дар — социалистический город с благоустроенной средой — не существовал. Сталинское «право на город» было правом не всех жителей, а самого Сталина и его функционеров / граждан.

Об этом свидетельствуют воспоминания партийных и советских активистов, в которых, с одной стороны, также представлен деревенский облик Ханты-Мансийска, но, с другой — есть мечты о «настоящем городе» и его благоустройстве. Так, первый секретарь горкома партии А.Н. Устьянцев вспоминал: несмотря на то что Ханты-Мансийск получил статус города, «он мало чем отличался от самого заштатного поселка. Надо

было менять его имидж» [Иванов 2003: 67]. Председатель окружной комсомольской организации В.П. Бирюков писал в своих мемуарах: «Жизнь в Ханты-Мансийске и округе текла в устоявшемся десятилетиями, а может, веками спокойном, размеренном ритме. Иногда, мне казалось, даже вяло, полусонно, особенно зимой» [Бирюков 2000: 162]. Но вместе с тем он рассказывал, как комсомольцы активно участвовали в строительстве города: не один воскресник провели на прокладке дороги Ханты-Мансийск — Самарово, возводили собственными силами спортзал и поддерживали порядок в городском саду [Бирюков 2000: 172, 175]. Или грезы председателя горисполкома В.И. Рыбкина:

Проблем было много, и все их хотелось разрешить в пользу города. Но какое время было упоительное! Это чувствовал каждый, кто был причастен к созданию новой жизни в Ханты-Мансийске. А жизнь, можно сказать, полностью обновлялась. Пришло время, когда это можно и нужно было сделать. Хотелось в своем городе иметь и удобное жилье, и музеи, и театры, и магазины с хорошими товарами и продуктами. Мы ведь не только об этом мечтали. Мы делали все, чтобы жизнь в нашем Ханты-Мансийске становилась радостной и счастливой. <...> Такая забота о благополучии делала всех жителей города сплоченнее, дружнее. Теперь уже все хотели не только лучше жить, но и для города что-то хорошее сделать [Учила 2005: 231–232].

Таким образом, городской идеал был инкорпорирован в дискурсы и практики советской эпохи и, следовательно, оказывал влияние на активистов того времени. Сталинское государство с сильным уровнем регламентации вывело такого городского агента, который соединил в себе городской и социалистический дискурсы: говоря о городе, он одновременно подразумевал партию и строительство коммунизма. Активисты, усвоившие этот дискурсивный язык и участвовавшие во фреймированных им практиках гражданства, тем самым действовали в рамках городской субъективности, т.е. осмысливали себя как горожан и принимали на себя соответствующие обязательства. Если воспоминания прежде всего отражали «деревенскую» действительность с неразвитой инфраструктурой, то газетные полосы и речи функционеров репрезентировали стремление граждан к тому, чтобы превратить эту условную деревню в город. Но даже в мемуарах носителей этой городской идентичности, т.е. преимущественно партийных и советских чиновников, таких как А.Н. Лоскутов, В.Г. Балин, А.Н. Устьянцев, В.И. Рыбкин и В.П. Бирюков, разворачивалась урбанизация в умах: граждане преобразовали Ханты-Мансийск и делали его, в их понимании, настоящим городом. Они не изображали свое посе-

ление как город, но говорили, что сделают его таковым. Сталинское «право на город» становилось их гражданским обязательством.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-78-10010). Я признателен анонимным рецензентам и редакции «Антропологического форума» за важные советы и рекомендации, а также сердечно благодарю Ф. Корандея (Тюмень) за ценные мысли и комментарии.

Список сокращений

ГАСПИТО — Государственный архив социально-политической истории Тюменской области

ГАЮ — Государственный архив Югры

Архивные материалы

ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 1000. Переписка обкома ВКП(б) с ЦК ВКП(б) и Советом Министров СССР.

ГАЮ. Ф. Р1. Оп. 1. Д. 266. Решения Тюменского облисполкома, касающиеся деятельности Ханты-Мансийского округа, июль — декабрь 1946 г.

ГАЮ. Ф. Р1. Оп. 1. Д. 364. Протокол юбилейной сессии окружного Совета.

ГАЮ. Ф. Р1. Оп. 1. Д. 374. Протоколы заседания исполкома, окружного Совета депутатов трудящихся № 1–16 за 1950 г.

ГАЮ. Ф. Р1. Оп. 1. Д. 377. Протоколы заседания исполкома, окружного Совета депутатов трудящихся № 36–44 за 1950 г.

ГАЮ. Ф. Р1. Оп. 1. Д. 390. Докладные записки о работе учреждений и предприятий города и о завершении оседания и сселения национального населения колхозов Ханты-Мансийского округа в 1950 г.

ГАЮ. Ф. Р186. Оп. 1. Д. 49. Документы о работе постоянных комиссий (протоколы, планы, акты, сведения о работе) за 1948–1950 гг.

ГАЮ. Ф. Р227. Оп. 1. Д. 116. Постановления СМ СССР, решения Тюменского облисполкома, касающиеся деятельности местной промышленности Ханты-Мансийского округа за 1950 г.

Источники

Административно-территориальное деление Тюменской области (XVII–XX вв.). Тюмень: ООО ТНЦ «ТюменьНИИГипрогаз», ФГУ ИПП «Тюмень», 2003. 304 с.

Балин В.Г. Земельные отношения на Обском Севере. Новосибирск: СГГА, 2000. Ч. 1. 209 с.

Бирюков В.П. Годы и люди земли тюменской. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2000. 488 с.

- Благоустроим Ханты-Мансийск! Обращение коллектива рыбаколхоз-союза ко всем рабочим, служащим, интеллигенции, ко всем жителям Ханты-Мансийска // Сталинская трибуна. 1950. № 88.
- Больше заботы о бытовых нуждах трудящихся // Сталинская трибуна. 1950. № 158.
- Булатов И.Д.* Город Ханты-Мансийск — промышленный центр округа // Сталинская трибуна. 1950. № 85.
- Быков.* Решения нужно выполнять // Сталинская трибуна. 1950. № 175.
- В окружном музее // Сталинская трибуна. 1950. № 165.
- В ответ на заботу партии и правительства // Сталинская трибуна. 1950. № 33.
- Вечер культурного отдыха // Сталинская трибуна. 1950. № 161.
- Война глазами Маши Русаковой... // Луцкая Л. Северное созвездие. Екатеринбург: Баско, 2005. С. 224–226.
- Воронцов Г.* Усилить подготовку к выборам в Верховный Совет РСФСР // Сталинская трибуна. 1951. № 6.
- Воспоминания Кашигина Ивана Дмитриевича. 1980 г. // Моя судьба в истории Югры. История развития Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в воспоминаниях его жителей. 1930–2005 гг. Тюмень: Тюменский дом печати, 2005. С. 150–152.
- Воспоминания Корепановой Анны Васильевны. 2005 г. // Моя судьба в истории Югры. История развития Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в воспоминаниях его жителей. 1930–2005 гг. Тюмень: Тюменский дом печати, 2005. С. 164–167.
- Воспоминания Нины Семеновны Поповой (Кузнецовой) // Ровесницы Ханты-Мансийского округа. Воспоминания выпускниц национальных педагогического и медицинского училищ Ханты-Мансийска. Ханты-Мансийск: Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, 2020. С. 347–384.
- Воспоминания Романчука Алексея Михайловича. 2005 г. // Моя судьба в истории Югры. История развития Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в воспоминаниях его жителей. 1930–2005 гг. Тюмень: Тюменский дом печати, 2005. С. 289–296.
- Воспоминания Руфины Михайловны Новопашиной (Альчевой) // Ровесницы Ханты-Мансийского округа. Воспоминания выпускниц национальных педагогического и медицинского училищ Ханты-Мансийска. Ханты-Мансийск: Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, 2020. С. 273–295.
- Воспоминания Страшковой Нины Кузьминичны. 2004 г. // Моя судьба в истории Югры. История развития Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в воспоминаниях его жителей. 1930–2005 гг. Тюмень: Тюменский дом печати, 2005. С. 326–335.
- Воспоминания Экономовой (Тарабукиной) Анны Степановны. 2005 г. // Моя судьба в истории Югры. История развития Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в воспоминаниях его жителей. 1930–2005 гг. Тюмень: Тюменский дом печати, 2005. С. 377–381.
- Годовой план лесозаготовок — к юбилею округа // Сталинская трибуна. 1950. № 32.

- Гражданинов К.* Забытое решение // Сталинская трибуна. 1950. № 147.
- Грошева Е.* Преждевременная экспедиция // Югра. 1992а. № 3. С. 46–54.
- Грошева Е.* Преждевременная экспедиция // Югра. 1992б. № 4. С. 57–62.
- Грошева Е.* Преждевременная экспедиция // Югра. 1992в. № 5. С. 50–58.
- Гуцин П.* Социалистический город Остяко-Вогульск // Остяко-Вогульская правда. 1932. № 69.
- Детище сталинских пятилеток // Сталинская трибуна. 1950. № 32.
- До конца выполнить постановление ЦК ВКП(б) о работе Тюменского обкома партии! С первой городской партийной конференции // Сталинская трибуна. 1950. № 68.
- Забота великого Сталина о развитии хозяйства и культуры в нашем округе // Сталинская трибуна. 1951. № 4.
- Захарова Г.В.* Услышать тишину. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2009. 62 с.
- Иванов А.* Город Устьянцева // Земляки: Югра в лицах и судьбах. Тюмень: Мандрика, 2003. С. 66–69.
- Из постановления Президиума ВЦИК «Об организации национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера» // Судьбы народов Обь-Иртышского Севера (Из истории национально-государственного строительства. 1822–1941 гг.): Сб. документов. Управление по делам архивов администрации Тюменской области. Тюмень: Б. и., 1994. С. 180.
- Истомин А.* Жизнь в родном Ханты-Мансийске глазами аборигена (50–60 годы прошлого века). 2008. <<https://www.liveinternet.ru/users/redmak/post85158919/>>.
- Как назвать туземный город // Остяко-Вогульская правда. 1932. № 2.
- Киркича Н.В.* Что для вас значит Ханты-Мансийск? // Самарово — Ханты-Мансийск. 2002. № 21.
- Ковалев Г.* В городе плохо демонстрируются кинокартины // Сталинская трибуна. 1950. № 156.
- Козлов В.* Записки нефтеразведчика // Югра. 1995. № 7. С. 12–17.
- Конев В.Д.* О малой родине — с любовью. Омск: Апельсин, 2004. 179 с.
- Коробинцева А.Т.* «Театр мне сопутствовал всю жизнь...» // Югра. 2003. № 11/12. С. 102–105.
- Лоскутов А.* Там, где шумела непроходимая тайга // В братской семье народов. Тюмень: Тюменское областное кн. изд-во, 1951. С. 16–28.
- Лоскутов А.* Как был назван окружной центр // Ленинская правда. 1979. № 162.
- Материалы I-го национального Остяко-Вогульского окружного Съезда советов. 25 февраля — 3 марта 1932 г. Остяко-Вогульск: Изд-во Остяко-Вогульского окрисполкома, 1932. 34 с.
- Мирошниченко Н.* Связаны незримой нитью // Югра. 2003. № 6. С. 24–28.
- Митрохин П.* Что мешает нормальной работе горкинотеатра // Сталинская трибуна. 1950. № 99.
- На электростанции // Сталинская трибуна. 1950. № 32.

- О перепрописке граждан города Ханты-Мансийска // Сталинская трибуна. 1950. № 93.
- О санитарной очистке города // Сталинская трибуна. 1950. № 75.
- О чем забывает горсовет // Сталинская трибуна. 1950. № 207.
- Об изменении наименований улиц города // Сталинская трибуна. 1950. № 81.
- Об обращении коллектива рабочих и служащих окружного рыбаколхозсоюза // Сталинская трибуна. 1950. № 88.
- Огнев М. О чем забывает горсовет // Сталинская трибуна. 1950. № 199.
- Отто Г.П. А в памяти — мой домик в Чапаевском логе... // Аргументы и факты — Югра. 2010. № 18.
- Паромов Б.И. Город детства // Югра. 2009. № 4. С. 72–77.
- Патранова В. Город большой судьбы. Тюмень: СофтДизайн, 1997. 120 с.
- Первая сессия городского Совета депутатов трудящихся // Сталинская трибуна. 1950. № 62.
- Первый пленум горкома ВКП(б) // Сталинская трибуна. 1950. № 68.
- Переплеткин Ю. Натюрморт с кедровыми шишками // Земляки: Югра в лицах и судьбах. Тюмень: Мандрика, 2005а. С. 32–55.
- Переплеткин Ю. Торжество жизни // Земляки: Югра в лицах и судьбах. Тюмень: Мандрика, 2005б. С. 344–352.
- Пестова Л. Дорогой, далекий город мой! // Сталинская трибуна. 1950. № 81.
- Плеханов Александр Владимирович // Моя судьба в твоей судьбе: сборник воспоминаний старожилов Октябрьского района. Октябрьское: МУ ОРИЦ, 2006. Вып. 1. С. 58–60.
- Постановление бюро Остяко-Вогульского окружкома ВКП(б) «О преобразовании поселка Остяко-Вогульск» // Судьбы народов Обь-Иртышского Севера (Из истории национально-государственного строительства. 1822–1941 гг.): Сб. документов. Управление по делам архивов администрации Тюменской области. Тюмень: Б. и., 1994. С. 272.
- Реперчук Л. Автобус брали штурмом... // Аргументы и факты — Югра. 2010. № 18.
- Ростовщиков В. Благоустроим наш город // Сталинская трибуна. 1950. № 125.
- Рябов А. Власть. История. Город. <<http://остяко-вогульск.рф/2019/04/27/vlast-istoriya-gorod/>>.
- Рябов А. Через призму времени // Новости Югры. 2012. № 97.
- Рям. Так его и назовем // Остяко-Вогульская правда. 1932. № 2.
- С митингов горожан // Сталинская трибуна. 1950. № 33.
- Сайфулин Р. Сохраним Самаровский чугас // Югра. 2002. № 12. С. 20–21.
- Сделаем наш город красивым и благоустроенным! II сессия городского Совета депутатов трудящихся // Сталинская трибуна. 1950. № 93.
- Смирнова Ю. В городе, светлом от берез // Патрикеев Н.Б. История Югры газетной строкой: записки редактора. Ханты-Мансийск: Н.И.К., 1996. С. 139–149.

- Советскому туземному городу — советское туземное название // Остяко-Вогульская правда. 1931. № 36.
- Страшинов В.* Город будущего // Югра. 2007. № 9. С. 4–11.
- Судейкин В.М.* Я верю, так и будет!.. [Интервью с В.М. Судейкиным о том, каким был, каким стал и каким будет г. Ханты-Мансийск] // Самарово — Ханты-Мансийск. 2002. № 35.
- Тарасов А.* Я будто две разные жизни прожил... // Аргументы и факты — Югра. 2010. № 18.
- Учила меня жизнь // Луцый Л. Северное созвездие. Екатеринбург: Баско, 2005. С. 227–232.
- Фролова У.* Массовый воскресник // Сталинская трибуна. 1950. № 123.
- Ханты-Мансийск — город! // Сталинская трибуна. 1950. № 32.
- Худяков М.* Пора по-настоящему заняться благоустройством города // Сталинская трибуна. 1950а. № 82.
- Худяков И.* Город должен стать благоустроенным // Сталинская трибуна. 1950б. № 168.
- Худяков И.* Строительство городского пищекомбината // Сталинская трибуна. 1950в. № 195.
- Этот город — наш с тобой... К 70-летию округа // Самарово — Ханты-Мансийск. 2000. № 10.
- Юрасова М.К.* На берегах Иртыша. М.: Советская Россия, 1959. 144 с.

Библиография

- Агапов М.Г.* «Яптик-сити»: в поисках идентичности северного села // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 3. С. 181–191.
- Алексеева Л.В.* Экономическое развитие Обь-Иртышского Севера в 1917–1941 гг.: трансформация хозяйственного уклада. Екатеринбург: Институт истории и археологии УрО РАН, 2003. 385 с.
- Андросенко В.И.* Ханты-Мансийск. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1979. 80 с.
- Балюк Н.А., Еманов А.Г., Заболотный Е.Б., Матвеев А.В.* Со времен князя Самара: в поисках исторических корней Ханты-Мансийска. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2005. 182 с.
- Белобородов А.С.* Столица Северного края. Очерки истории Самарова — Остяко-Вогульска — Ханты-Мансийска. М.: УНИСЕРВ, 1996. 158 с.
- Бон Т.М.* «Минский феномен». Городское планирование и урбанизация в Советском Союзе после Второй мировой войны. М.: РОССПЭН, 2013. 414 с.
- Бугров К.Д.* Соцгорода Большого Урала. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2018. 472 с.
- Бугров К.Д.* Дискурс о новом городе и советская градостроительная практика 1930-х гг.: случай Верхней Салды // История: факты и символы. 2020. № 4. С. 8–20.
- Букин С.С., Исаев В.И.* Урбанизация в Сибири в XX веке: закономерности и особенности // Хозяйственное освоение Сибири в контексте

- отечественной и мировой истории: Сб. науч. трудов. Новосибирск: Сибирское отделение РАН, 2005. С. 140–167.
- Бунин А. Достижения советского градостроительства // Архитектура СССР. 1947. № 17–18. С. 46–62.
- Вахитайн В. Пересборка города: между языком и пространством // Социология власти. 2014. № 2. С. 9–38.
- Волков В.В. Концепция культурности, 1935–1938 годы: советская цивилизация и повседневность сталинского времени // Социологический журнал. 1996. № 1–2. С. 194–213.
- Глазычев В.Л. Выслободжение городов // Российская провинция. 1993. № 1. С. 51–59.
- Глазычев В.Л. Город России на пороге урбанизации // Город как социокультурное явление исторического процесса. М.: Наука, 1995. С. 137–144.
- Глазычев В.Л. Слободизация страны Гардарики // Иное: Хрестоматия нового российского самосознания. М.: Аргус, 1996. Т. 1. С. 64–88.
- Горбачев О.В. Административно-бюрократический аспект российской урбанизации (XVIII — начало XX в.) // Историко-педагогические чтения. 2013. № 17. С. 350–361.
- Иванов А.С. Город как место спецпоселения // Вопросы истории. 2018. № 1. С. 33–44.
- Иванов А.С. Эволюция режимного пространства окружной столицы (1930–1950 гг.) // Вопросы истории. 2019. № 5. С. 9–21.
- Ильин А.Ю. Догоняющая урбанизация и городское хозяйство в истории России (размышления по поводу работ немецкого историка Т.М. Бона) // Вопросы истории. 2016. № 5. С. 143–155.
- Исупов В.А. Квазиурбанизация в сталинской стратегии модернизации Сибири: вторая половина 1920-х — 1930-е гг. // Региональные аспекты цивилизационного развития российского общества в XX столетии: проблемы индустриализации и урбанизации. Новосибирск: Параллель, 2013. С. 238–245.
- Калеменева Е.А. «Поворот к человеку» в проектах и практике урбанизации Крайнего Севера СССР в 1950–1960-е годы: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2019. 195 с.
- Коган Л.Б. Демократия без городов? Новосибирск: Автор; Полис, 1993. 52 с.
- Конев А.Ю., Усманов В.Г. (ред.). Самаровский край: история Ханты-Мансийского района. Тюмень: Мандр и Ка, 2003. 296 с.
- Меерович М.Г., Коньшева Е.В., Хмельницкий Д.С. Кладбище соцгородов: градостроительная политика в СССР (1928–1932 гг.). М.: РОС-СПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. 270 с.
- Михалев Н.А. Формирование городского населения Ямала в первой половине XX века // Становление индустриально-урбанистического общества в Урало-Сибирском регионе: подходы, исследования, результаты: Материалы межрегион. науч. конф. Новосибирск: Параллель, 2010. С. 125–133.

- Омельчук С.* Салехард. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1978. 112 с.
- Пинский А.* Предисловие // Пинский А. (ред.). После Сталина: позднесоветская субъективность (1953–1985): Сб. ст. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2018. С. 9–38.
- Салахова Л.М.* Мечта о Новом городе: привязка к местности и обстоятельствам // Известия Иркутского государственного университета. Политология. Религиоведение. 2013. № 2-2. С. 44–52.
- Сенявский А.С.* Урбанизация России в XX веке: Роль в историческом процессе. М.: Наука, 2003. 286 с.
- Стась И.Н.* Мечта о городе и коммунизме: к вопросу о начале формирования городской идентичности сургутян // Югра, Сибирь, Россия: политические, экономические, социокультурные аспекты прошлого и настоящего. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2015. С. 78–81.
- Стась И.Н.* Возрожденные народы: национальное гражданство индигенного населения Севера в позднем сталинизме // Ab Imperio. 2020. № 3. С. 157–188.
- Трубина Е.Г.* Городская антропология: сложное наследие специализации // Этнографическое обозрение. 2016. № 4. С. 102–119.
- Форум: Исследования города // Антропологический форум. 2010. № 12. С. 9–210.
- Хархордин О.В.* Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2016. 508 с.
- Alexopoulos G.* Soviet Citizenship, More or Less: Rights, Emotions, and States of Civic Belonging // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2006. Vol. 7. No. 3. P. 487–528. doi: 10.1353/kri.2006.0030.
- Althorpe C., Horak M.* The End of the Right to the City: A Radical-Cooperative View // Urban Affairs Review. 2021, Nov. 24. P. 1–29. doi: 10.1177/107808742111057815.
- Barenberg A.* Gulag Town, Company Town. Forced Labor and It's Legacy in Vorkuta. New-Heaven; L.: Yale University Press, 2014. 352 p.
- Bohn T.M.* Soviet History as a History of Urbanization // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2015. Vol. 16. No. 2. P. 451–458. doi: 10.1353/kri.2015.0035.
- Brooks J.* Socialist Realism in Pravda: Read All about It! // Slavic Review. 1994. Vol. 53. No. 4. P. 973–991. doi: 10.2307/2500842.
- Brooks J.* Thank You, Comrade Stalin! Soviet Public Culture from Revolution to the Cold War. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2000. 319 p.
- Bruno A.* Environmental Subjectivities from the Soviet North // Slavic Review. 2019. Vol. 78. No. 1. P. 1–22. doi: 10.1017/slr.2019.7.
- DeHaan H.D.* The Cities: Urbanization and Modern Life // Boterbloem K. (ed.). Life in Stalin's Soviet Union. N.Y.: Bloomsbury, 2019. P. 55–70.
- Eames E., Goode J.G.* Anthropology of the City: An Introduction to Urban Anthropology. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1977. 344 p.

- Filtzer D.* Hazards of Urban Life in Late Stalinist Russia: Health, Hygiene and Living Standards, 1943–1954. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 410 p.
- Fox R.* Rationale and Romance in Urban Anthropology // *Urban Place and Process: Readings in the Anthropology of Cities*. N.Y.: Macmillan, 1980. P. 105–121.
- Halfin I.* Terror in My Soul: Communist Autobiographies on Trial. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003. 344 p.
- Halfin I.* Red Autobiographies: Initiating the Bolshevik Self. Seattle: University of Washington Press, 2011. 197 p.
- Harvey D.* Rebel Cities: From the Right to the City to the Urban Revolution. L.: Verso, 2012. 206 p.
- Hellbeck J.* Working, Struggling, Becoming: Stalin-Era Autobiographical Texts // Halfin I. (ed.). *Language and Revolution. Making Modern Political Identities*. L.: Frank Cass, 2002. P. 114–135.
- Hellbeck J.* Revolution on My Mind: Writing a Diary under Stalin. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2006. 448 p.
- Hoffmann D.L.* Peasant Metropolis. Social Identities in Moscow, 1929–1941. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1994. 282 p.
- Jaffe R., de Koning A.* Introducing Urban Anthropology. L.; N.Y.: Routledge, 2016. 185 p.
- Kotkin S.* Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley: University of California Press, 1995. 639 p.
- Lazar S.* Citizenship // *A Companion to Urban Anthropology*. Oxford: Wiley-Blackwell, 2014. P. 65–81.
- Lefebvre H.* Writings on Cities. Cambridge, MA: Wiley-Blackwell, 1996. 250 p.
- Lefebvre H.* State, Space, World: Selected essays. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2009. 330 p.
- Lefebvre H.* Dissolving City, Planetary Metamorphosis // Brenner N. (ed.). *Implosions / Explosions: Towards a Study of Planetary Urbanization*. B.: Jovis, 2014. P. 566–570.
- Lenoe M.E.* Closer to the Masses: Stalinist Culture, Social Revolution, and Soviet Newspapers. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004. 315 p.
- Lewin M.* Russia / USSR in Historical Motion: An Essay in Interpretation // *The Russian Review*. 1991. Vol. 50. No. 3. P. 249–266. doi: 10.2307/131073.
- Naiman E.* On Soviet Subjects and the Scholars Who Make Them // *The Russian Review*. 2001. Vol. 60. No. 3. P. 307–315.
- Park R.E.* The City: Suggestions for the Investigation of Human Behavior in the City Environment // Park R.E., Burgess E.W., McKenzie R.D. *The City*. Chicago: University of Chicago, 1967. P. 1–46.
- Press I., Smith M.E.* Introduction // *Urban Place and Process: Readings in the Anthropology of Cities*. N.Y.: Macmillan, 1980. P. 1–14.
- Purcell M.* Possible Worlds: Henri Lefebvre and the Right to the City // *Journal of Urban Affairs*. 2014. Vol. 36. No. 1. P. 141–154. doi: 10.1111/juaf.12034.

- Samuelson L.* Tankograd: Formation of a Soviet Company Town: Cheliabinsk, 1900s–1950s. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2011. 351 p.
- Savoskul S.S.* Urbanisation and the Minority Peoples of the Soviet North // Wood A., French R.A. (eds.). The Development of Siberia: People and Resources. L.: Palgrave Macmillan, 1989. P. 96–123.
- Schwanhäußer A.* (ed.). Sensing the City: A Companion to Urban Anthropology. B.: Bauverlag; Basel: Birkhäuser, 2016. 192 p.
- Ssorin-Chaikov N.* On Heterochrony: Birthday Gifts to Stalin, 1949 // The Journal of the Royal Anthropological Institute. 2006. Vol. 12. No. 2. P. 355–375. doi: 10.1111/j.1467–9655.2006.00295.x.
- Ssorin-Chaikov N.* Gift/knowledge Relations At the Exhibition of Gifts to Soviet Leaders // Laboratorium. 2013. Vol. 5. No. 2. P. 166–192.
- Ssorin-Chaikov N.* Two Lenins: A Brief Anthropology of Time. Chicago: Hau Books, 2017. 150 p.
- Thuesen T.S.* Local Identity and History of a Greenlandic Town: The Making of the Town of Sisimiut (Holsteinsborg) from the 18th to the 20th Century // Etudes / Inuit / Studies. 1999. Vol. 23. No. 1/2. P. 55–67.
- Yekelchyk S.* The Civic Duty to Hate: Stalinist Citizenship as Political Practice and Civic Emotion (Kiev, 1943–53) // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2006a. Vol. 7. No. 3. P. 529–556. doi: 10.1353/kri.2006.0038.
- Yekelchyk S.* The Leader, the Victory, and the Nation: Public Celebrations in Soviet Ukraine under Stalin (Kiev, 1943–1953) // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2006b. Neue Folge. Bd. 54. H. 1. S. 3–19.
- Yekelchyk S.* A Communal Model of Citizenship in Stalinist Politics: Agitators and Voters in Postwar Electoral Campaigns (Kyiv, 1946–53) // Ab Imperio. 2010. No. 2. P. 93–120. doi: 10.1353/imp.2010.0039.
- Yekelchyk S.* Stalin's Citizens: Everyday Politics in the Wake of Total War. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 2014. 270 p.

Urbanization in People's Minds: Stalin's "Right to the City", Soviet Subjectivity, and Citizenship Practices in Khanty-Mansiysk

Igor Stas

University of Tyumen
23 Lenina Str., Tyumen, Russia
igor.stas@mail.ru

The article investigates the concept of Stalin's "right to the city", in which urbanization in the USSR is interpreted through the lens of Soviet subjectivity and implemented in specific practices of citizenship. In the socialist context, Stalin's "right to the city" was discursively reproduced as a state-given 'gift of modernity' and was

reflected in specific citywide events that represented the new Soviet citizens and consolidated the reciprocal connection between power and society through the idea of the city. The city as a gift concluded a civil agreement between the authorities and ordinary people through citywide practices—rallies, celebrations, ceremonies, and competitions, and became a place of activity and emotion for the Soviet citizen. The activists who spoke this discursive language—and participated in the citizenship practices framed by it—thereby acted within the framework of urban subjectivity. In other words, they understood themselves as citizens and accepted the corresponding obligations. The study is based on the case of Khanty-Mansiysk of the 1930s to early 1950s, the district center of the Khanty-Mansi National Okrug. These practices of interaction between citizens and the state make it possible—moving beyond the binary opposition of ideology and reality—to conceptualize Stalin’s “right to the city” as an implicit urbanization in the minds of urban subjects who sought to become full-fledged citizens of the Soviet state. Stalin’s “right to the city” became their civil obligation.

Keywords: urbanization, the right to the city, Stalinism, Soviet subjectivity, citizenship, social practice of communing, gift-exchange theory, reciprocity, Khanty-Mansiysk.

Acknowledgements

The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (project No. 20-78-10010). I am grateful to the anonymous reviewers and editors of “Anthropologicheskij forum” for important advice and recommendations, and I also sincerely thank F. Korandei (Tyumen) for valuable thoughts and comments.

References

- Agapov M. G., “‘Yaptik-siti’: v poiskakh identichnosti severnogo sela’ [“Yaptik-city”: A Northern Community in Search of Identity], *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2018, no. 3, pp. 181–191. (In Russian).
- Alekseeva L. V., *Ekonomicheskoe razvitie Ob-Irtyshskogo Severa v 1917–1941 gg.: transformatsiia khozyaystvennogo uklada* [Economic Development of the Ob-Irtysh North in 1917–1941: Transformation of the Economic Structure]. Yekaterinburg: Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, 2003, 385 pp. (In Russian).
- Alexopoulos G., ‘Soviet Citizenship, More or Less: Rights, Emotions, and States of Civic Belonging’, *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 2006, vol. 7, no 3, pp. 487–528. doi: 10.1353/kri.2006.0030.
- Althorpe C., Horak M., ‘The End of the Right to the City: A Radical-Cooperative View’, *Urban Affairs Review*, 2021, Nov. 24, pp. 1–29. doi: 10.1177/10780874211057815.
- Androsenko V. I., *Khanty-Mansiysk* [Khanty-Mansiysk]. Sverdlovsk: Sredne-Uralskoe knizhnoe izdatelstvo, 1979, 80 pp. (In Russian).

- Balyuk N. A., Emanov A. G., Babolotnyy E. B., Matveev A. V., *So vremen knyazyya Samara: v poiskakh istoricheskikh korney Khanty-Mansiyska* [Since the Time of Prince Samar: In Search of the Historical Roots of Khanty-Mansiysk]. Khanty-Mansiysk: Poligrafist, 2005. 182 pp. (In Russian).
- Barenberg A., *Gulag Town, Company Town. Forced Labor And It's Legacy in Vorkuta*. New-Heaven; London: Yale University Press, 2014, 352 pp.
- Beloborodov A. S., *Stolitsa Severnogo kraya. Ocherki istorii Samarova — Ostyako-Vogul'ska — Khanty-Mansiyska* [The Capital of the Northern Region. Essays on the History of Samarovo — Ostyako-Vogul'sk — Khanty-Mansiysk]. Moscow: UNISERV, 1996, 158 pp. (In Russian).
- Bohn T. M., 'Soviet History as a History of Urbanization', *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 2015, vol. 16, no. 2, pp. 451–458. doi: 10.1353/kri.2015.0035.
- Bon T. M., "Minskiy fenomen". *Gorodskoe planirovanie i urbanizatsiya v Sovetskom Soyuze posle Vtoroy mirovoy voyny* ["The Minsk Phenomenon". Urban Planning and Urbanization in the Soviet Union after World War II]. Moscow: ROSSPEN, 2013, 414 pp. (In Russian).
- Brooks J., 'Socialist Realism in Pravda: Read All about It!', *Slavic Review*, 1994, vol. 53, no. 4, pp. 973–991. doi: 10.2307/2500842.
- Brooks J., *Thank You, Comrade Stalin! Soviet Public Culture from Revolution to the Cold War*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2000, 319 pp.
- Bruno A., 'Environmental Subjectivities from the Soviet North', *Slavic Review*, 2019, vol. 78, no. 1, pp. 1–22. doi: 10.1017/slr.2019.7.
- Bugrov K. D., *Sotsgoroda Bolshogo Urala* [Social Cities of the Greater Urals]. Yekaterinburg: Ural University Press, 2018, 472 pp. (In Russian).
- Bukin S. S., Isaev V. I., 'Urbanizatsiya v Sibiri v XX veke: zakonomernosti i osobennosti' [Urbanization in Siberia in the 20th Century: Patterns and Features], *Khozyaystvennoe osvoenie Sibiri v kontekste otechestvennoy i mirovoy istorii*: A collection of articles. Novosibirsk: Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, 2005, pp. 140–167. (In Russian).
- Bunin A., 'Dostizheniya sovetskogo gradostroitelstva' [Achievements of Soviet Urban Planning], *Arkhitektura SSSR*, 1947, no. 17–18, pp. 46–62. (In Russian).
- DeHaan H. D., 'The Cities: Urbanization and Modern Life', Boterbloem K. (ed.), *Life in Stalin's Soviet Union*. New York: Bloomsbury, 2019, pp. 55–70.
- Eames E., Goode J. G., *Anthropology of the City: An Introduction to Urban Anthropology*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1977, 344 pp.
- Filtzer D., *Hazards of Urban Life in Late Stalinist Russia: Health, Hygiene and Living Standards, 1943–1954*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010, 410 pp.
- 'Forum: Issledovaniya goroda' [Forum: Urban Studies], *Antropologicheskij forum*, 2010, no. 12, pp. 9–210. (In Russian).
- Fox R., 'Rationale and Romance in Urban Anthropology', *Urban Place and Process: Readings in the Anthropology of Cities*. New York: Macmillan, 1980, pp. 105–121.

- Glazychev V. L., 'Gorod Rossii na poroge urbanizatsii' [Russian City on the Threshold of Urbanization], *Gorod kak sotsiokulturnoe yavlenie istoricheskogo protsessa* [City as a Social and Cultural Phenomenon in History]. Moscow: Nauka, 1995, pp. 137–144. (In Russian).
- Glazychev V. L., 'Slobodizatsiia strany Gardariki' [Slobodization of Gardarika Country], *Inoe: Khrestomatiya novogo rossiyskogo samosoznaniya* [The Other: A Reader in New Russian Self-Consciousness]. Moscow: Argus, 1996, vol. 1, pp. 64–88. (In Russian).
- Glazychev V. L., 'Vyslobozhdenie gorodov' [Release of Cities], *Rossiyskaya provintsiya*, 1993, no. 1, pp. 51–59. (In Russian)
- Gorbachev O. V., 'Administrativno-byurokraticheskii aspekt rossiyskoy urbanizatsii (XVIII — nachalo XX v.)' [Administrative and Bureaucratic Aspect of Russian Urbanization (18th — Early 20th Century)], *Istoriko-pedagogicheskie chteniya*, 2013, no. 17, pp. 350–361. (In Russian).
- Halfin I., *Terror in My Soul: Communist Autobiographies on Trial*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003, 344 pp.
- Halfin I., *Red Autobiographies: Initiating the Bolshevik Self*. Seattle: University of Washington Press, 2011, 197 pp.
- Harvey D., *Rebel Cities: From the Right to the City to the Urban Revolution*. London: Verso, 2012, 206 pp.
- Hellbeck J., 'Working, Struggling, Becoming: Stalin-Era Autobiographical Texts', Halfin I. (ed.), *Language and Revolution. Making Modern Political Identities*. London: Frank Cass, 2002, pp. 114–135.
- Hellbeck J., *Revolution on My Mind: Writing a Diary under Stalin*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2006, 448 pp.
- Hoffmann D. L., *Peasant Metropolis. Social Identities in Moscow, 1929–1941*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1994, 282 pp.
- Ilyin A. Yu., 'Dogonyayushchaya urbanizatsiya i gorodskoe khozyaystvo v istorii Rossii (razmyshleniya po povodu rabot nemetskogo istorika T. M. Bona)' [Catching up with Urbanization and Urban Economy in the History of Russia (Reflections on the works of the German historian T. M. Bohn)], *Voprosy istorii*, 2016, no. 5, pp. 143–155. (In Russian).
- Isupov V. A., 'Kvaziurbanizatsiya v stalinskoj strategii modernizatsii Sibiri: vtoraya polovina 1920-kh — 1930-e gg. [Quasi-Urbanization in Stalin's Strategy of Modernization of Siberia: The Second Half of the 1920s — 1930s], *Regionalnye aspekty tsivilizatsionnogo razvitiya rossiyskogo obshchestva v XX stoletii: problemy industrializatsii i urbanizatsii* [Regional Aspects of Civilization Development in the Russian Society in the 20th Century: Problems of Industrialization and Urbanization]. Novosibirsk: Parallel, 2013, pp. 238–245. (In Russian).
- Ivanov A. S., 'Gorod kak mesto spetsposeleniya' [City as a Place of Special Settlement], *Voprosy istorii*, 2018, no. 1, pp. 33–44. (In Russian).
- Ivanov A. S., 'Evolyutsiya rezhimnogo prostranstva okruzhnoy stolitsy (1930–1950 gg.)' [The Evolution of the Regime Space of the District Capital (1930–1950)], *Voprosy istorii*, 2019, no. 5, pp. 9–21. (In Russian).
- Jaffe R., de Koning A., *Introducing Urban Anthropology*. London; New York: Routledge, 2016, 185 pp.
- Kalmeneva E. A., "Povorot k cheloveku" v proektakh i praktike urbanizatsii Kraynego Severa SSSR v 1950–1960-e gody ["Turn to Man" in the

- Projects and Practice of Urbanization of the Far North of the USSR in the 1950s and 1960s]: Candidate's thesis. Moscow, 2019, 195 pp. (In Russian).
- Kharkhordin O. V., *Oblichat i litsemerit: genealogiya rossiiskoy lichnosti* [To Unmask and Play the Hypocrite: Genealogy of the Russian Personality]. St Petersburg: EUSP Press, 2016, 508 pp. (In Russian).
- Kogan L. B., *Demokratiya bez gorodov?* [A Democracy without Cities?]. Novosibirsk: Avtor; Polis, 1993, 52 pp. (In Russian).
- Konev A. Yu., Usmanov V. G. (eds.), *Samarovskiy kray: istoriya Khanty-Mansiiskogo rayona* [Samarovo Region: History of Khanty-Mansiysk District]. Tyumen: Mandr i Ka, 2003, 296 pp. (In Russian).
- Kotkin S., *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley: University of California Press, 1995, 639 pp.
- Lazar S., 'Citizenship', *A Companion to Urban Anthropology*. Oxford: Wiley-Blackwell, 2014, pp. 65–81.
- Lefebvre H., *Writings on Cities*. Cambridge, MA: Wiley-Blackwell, 1996, 250 pp.
- Lefebvre H., *State, Space, World: Selected essays*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2009, 330 pp.
- Lefebvre H. 'Dissolving City, Planetary Metamorphosis', Brenner N. (ed.), *Implosions / Explosions: Towards a Study of Planetary Urbanization*. Berlin: Jovis, 2014, pp. 566–570.
- Lenoe M. E., *Closer to the Masses: Stalinist Culture, Social Revolution, and Soviet Newspapers*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004, 315 pp.
- Lewin M., 'Russia / USSR in Historical Motion: An Essay in Interpretation', *The Russian Review*, 1991, vol. 50, no. 3, pp. 249–266. doi: 10.2307/131073.
- Meerovich M. G., Konysheva E. V., Khmel'nikskiy D. S., *Kladbishche sotsgorodov: gradostroitel'naya politika v SSSR (1928–1932 gg.)* [Cemetery of Socialist Cities: Urban Planning Policy in the USSR (1928–1932)]. Moscow: ROSSPEN; Fond "Prezidentskiy tsentr B. N. Eltsina", 2011, 270 pp. (In Russian).
- Mikhalev N. A., 'Formirovaniye gorodskogo naseleniya Yamala v pervoi polovine XX veka' [Formation of the Urban Population of Yamal in the First Half of the 20th Century], *Stanovleniye industrialno-urbanisticheskogo obshchestva v Uralo-Sibirskom regione: podkhody, issledovaniya, rezultaty* [The Becoming of Industrial Urban Society in Ural Siberian Region: Approaches, Studies, Results], Papers of an international conference. Novosibirsk: Parallel, 2010, pp. 125–133. (In Russian).
- Naiman E., 'On Soviet Subjects and the Scholars Who Make Them', *The Russian Review*, 2001, vol. 60, no. 3, pp. 307–315.
- Omelchuk S., *Salekhard* [Salekhard]. Sverdlovsk: Sredne-Uralskoe knizhnoe izdatelstvo, 1978, 112 pp. (In Russian).
- Pinskiy A., 'Predislovie' [Introduction], Pinskiy A. (ed.), *Posle Stalina: pozdnosovetskaya subyektivnost (1953–1985)* [After Stalin: Subjectivity in the Late Soviet Union, 1953–1985]: A collection of articles. St Petersburg: EUSP Press, 2018, pp. 9–38. (In Russian).
- Press I., Smith M. E., 'Introduction', *Urban Place and Process: Readings in the Anthropology of Cities*. New York: Macmillan, 1980, pp. 1–14.

- Purcell M., 'Possible Worlds: Henri Lefebvre and the Right to the City', *Journal of Urban Affairs*, 2014, vol. 36, no. 1, pp. 141–154. doi: 10.1111/juaf.12034.
- Salahova L. M., 'Mechta o Novom gorode: privyazka k mestnosti i obstoyatelstvam' [The Dream of a New City: Binding to the Territory and Circumstances], *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Politologiya. Religiovedenie*, 2013, no. 2-2, pp. 44–52. (In Russian).
- Samuelson L., *Tankograd: Formation of a Soviet Company Town: Chelyabinsk, 1900s–1950s*. New York: Palgrave Macmillan, 2011, 351 pp.
- Savoskul S. S., 'Urbanisation and the Minority Peoples of the Soviet North', Wood A., French R. A. (eds.). *The Development of Siberia: People and Resources*. London: Palgrave Macmillan, 1989, pp. 96–123.
- Schwanhäuser A. (ed.), *Sensing the City: A Companion to Urban Anthropology*. Berlin: Bauverlag; Basel: Birkhäuser, 2016, 192 pp.
- Seniavskii A. S., *Urbanizatsiya Rossii v XX veke: Rol v istoricheskom protsesse* [Urbanization of Russia in the 20th Century: Its Role in the Historical Process]. Moscow: Nauka, 2003, 286 pp. (In Russian).
- Ssorin-Chaikov N., 'On Heterochrony: Birthday Gifts to Stalin, 1949', *The Journal of the Royal Anthropological Institute*, 2006, vol. 12, no. 2, pp. 355–375. doi: 10.1111/j.1467-9655.2006.00295.x.
- Ssorin-Chaikov N., 'Gift / Knowledge Relations At the Exhibition of Gifts to Soviet Leaders', *Laboratorium*, 2013, no. 5 (2), pp. 166–192.
- Ssorin-Chaikov N., *Two Lenins: A Brief Anthropology of Time*. Chicago: Hau Books, 2017, 150 pp.
- Stas I. N., 'Mechta o gorode i kommunizme: k voprosu o nachale formirovaniya gorodskoy identichnosti surgutyam' [The Dream of the City and Communism: On the Question of the Beginning of the Formation of the Urban Identity of Surgut Residents], *Yugra, Sibir, Rossiya: politicheskie, ekonomicheskie, sotsiokulturnye aspekty proshlogo i nastoyashchego* [Yugra, Siberia, Russia: Political, Economic, Social and Cultural Aspects of Past and Present]. Nizhnevartovsk: Nizhnevartovsk State University Press, 2015, pp. 78–81. (In Russian).
- Stas I. N., 'Vozrozhdennye narody: natsionalnoe grazhdanstvo indigennogo naseleniya Severa v pozdnem stalinizme' [Revived Peoples: National Citizenship of the Indigenous Population of the North in Late Stalinism], *Ab Imperio*, 2020, no 3, pp. 157–188. (In Russian).
- Thuesen T. S., 'Local Identity and History of a Greenlandic Town: The Making of the Town of Sisimiut (Holsteinsborg) from the 18th to the 20th Century', *Etudes / Inuit / Studies*, 1999, vol. 23, no. 1/2, pp. 55–67.
- Trubina E. G., 'Gorodskaya antropologiya: slozhnoe nasledstvo spetsializatsii' [Urban Anthropology: The Complicated Legacy of the Subdiscipline], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2016, no. 4, pp. 102–119. (In Russian).
- Vakhshtain V. S., 'Peresborka goroda: mezhdu yazykom i prostranstvom' [Reassembling the City: Between Space and Speech], *Sotsiologiya vlasti*, 2014, no. 2, pp. 9–38. (In Russian).
- Volkov V. V., 'Kontseptsiya kulturnosti, 1935–1938 gody: sovetskaya tsivilizatsiya i povsednevnoye stalinskoye vremeni' [The Concept of

- kulturnost*, 1935–1938: Soviet Civilization and Everyday Life of Stalin's Time], *Sotsiologicheskii zhurnal*, 1996, no. 1–2. pp. 194–213. (In Russian).
- Yekelchyk S., 'The Civic Duty to Hate: Stalinist Citizenship as Political Practice and Civic Emotion (Kiev, 1943–53)', *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 2006, vol. 7, no. 3, pp. 529–556. doi: 10.1353/kri.2006.0038.
- Yekelchyk S., 'The Leader, the Victory, and the Nation: Public Celebrations in Soviet Ukraine under Stalin (Kiev, 1943–1953)', *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 2006, Neue Folge, Bd. 54, H. 1, SS. 3–19.
- Yekelchyk S., 'A Communal Model of Citizenship in Stalinist Politics: Agitators and Voters in Postwar Electoral Campaigns (Kyiv, 1946–53)', *Ab Imperio*, 2010, no. 2, pp. 93–120. doi: 10.1353/imp.2010.0039.
- Yekelchyk S., *Stalin's Citizens: Everyday Politics in the Wake of Total War*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2014, 270 pp.